

НЕЧТО

*Вы еще не знаете,
что такое УЖАС*

Александр ВАРГО

МУСТ. Черная книга 18+

Александр Варго

Нечто

«ЭКСМО»

2008

Варго А.

Нечто / А. Варго — «Эксмо», 2008 — (MYST. Черная книга 18+)

Книга для тех, кто любит острые ощущения! Ярко и необыкновенно реалистично автор представляет зловещий, покрытый мраком тайный мир мусорной свалки. Здесь не только свои законы, свои нормы морали, но также свои, ни с чем не сравнимые ужасы. А начинаются они с того дня, как предводитель бомжей и уголовник Жгут, дабы надежнее спрятаться от милиции, спускается в старый заброшенный коллектор. Обитателей свалки со всеми их тяжкими грехами можно простить только за то, что они потом пережили... Книга также выходила под названием «Диггер по прозвищу Жгут».

© Варго А., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

ЧАСТЬ 1	5
1	5
2	9
3	12
4	16
5	17
6	25
7	28
8	34
9	38
10	47
11	48
12	52
13	56
14	59
15	61
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Александр Варго

Нечто

*СПЕШИТЕ ДЕЛАТЬ ДОБРЫЕ ДЕЛА, ЧТОБЫ НЕ ХВАТИЛО
ВРЕМЕНИ НА ЗЛЫЕ...*

ЧАСТЬ 1

Гюрза – ядовитая змея семейства гадюк, в длину достигает до 1,6 м, распространена в Северной Африке, Юго-Западной Азии, Закавказье, на юге Казахстана. Питается мелкими зверьками, птицами и ящерицами. Яд смертелен для человека.

Большой энциклопедический словарь

*«У меня была бомжиха, сала кипятчком,
Обещала угостить маленьким глоточком...»*

Из фольклора бродяг

1

Незаметно заканчивался апрель, уступая место маю. Дни постепенно становились длиннее, погода теплее, серые промозглые вечера остались в прошлом, и все такое, в общем – благодать. Особенно для неприметной категории наших сограждан, волею судьбы или случая оказавшихся в разряде «низшей касты», то есть бомжей. После трудной зимы (а она действительно оказалась очень трудной, а для некоторых – и последней: только по официальным данным, за эту зиму в Москве умерло от обморожения порядка пятисот бездомных бродяг) они, поначалу робея, щурясь от солнечных лучей, как человек, которого внезапно ослепили мощным софитом, выползали из сырых подвалов, чердаков и других всевозможных трущоб, быстро смелели и развивали активную деятельность, снуя туда-сюда, как муравьи.

По городской свалке брели два представителя сего племени. Если с определением половой принадлежности особых трудностей не возникало, – это шли мужчины, – то угадать возраст было практически невозможно. Каждому из них вполне могло быть и двадцать лет, и все пятьдесят. Одутловатые красные лица с воспаленными глазами, юрко стреляющими по сторонам (нет ли там чего ценного?), застывшая от бесконечной носки одежда совершенно уж неопределенного цвета благоухала, как сельский туалет. Впрочем, это не волновало бродяг. Они торопились в приемный пункт – собранного ими цветного металла хватит на два «пузыря» по 0,5 и на «запивку», а если повезет, то и на кирпич «Бородинского»...

– И-и-ых... тьфу! – сплюнул один из них, в вязаной шапочке. Шапочка была серая от пыли и грязи и давно потеряла свой натуральный цвет. – Вот она, весна... Мать ее ети... Давай, шевели булками, а то опоздаем, – прикрикнул он на своего спутника. Тот быстро моргнул и прибавил шагу.

– А че это мы в обход идем? Приемка же тут, рядом!

Бомж показал желтым от никотина пальцем на едва видневшуюся тропинку, пролегающую между бетонным забором и старыми обветшалыми гаражами.

– Такой, блядь, крюк делаем!

Саньч облизал губы, еще раз посмотрел на заманчиво змеящуюся тропинку, которая через каких-то двести метров может вывести к заветному приемному пункту...

– Сказки, – ворчливо передразнил он Гошу.

Однако в голосе Саныча уже проскальзывали нотки сомнения, и Гоша улыбнулся, продемонстрировав отсутствие нескольких зубов, оставшиеся же были похожи на одинокие штакетины сгнившего забора. Он решил идти ва-банк.

– Как хочешь. Топай в обход, а я к тому времени уже флакон беленькой куплю. Заодно посру.

– Ладно... – не выдержал Саныч. Воображение быстро нарисовало ему картину: Гоша, этот сукин сын, покупает водку раньше него, уютно устраивается за помойкой, открывает бутылку... Нет, этого он допустить не мог. – Только быстро, а то ползешь, как беременная улитка.

– На себя бы посмотрел, помидор на лыжах, – беззлобно ответил Гоша. Тихо переговариваясь, они, хрустя разбитыми подошвами ботинок по бутылочным осколкам, сошли на тропинку и вскоре исчезли из виду. Двое были слишком взволнованы и спешили, чтобы обратить внимание на невысокую мужскую фигуру в невзрачной темной одежде, которая следила за ними уже несколько минут.

Они не прошли и половину пути, как вдруг увидели, что в нескольких шагах на изъеденной ржавчиной железной коробке сидит девушка. Даже не девушка – девчонка с немного нескладным телом и узким, бледноватым лицом. Она тоже увидела двоих мужчин, волочивших тяжелые сумки, и кокетливо поправила красную курточку. В тонких пальцах была зажата сигарета.

Саныч и Гоша подошли к ней вплотную.

«Парламент» – с ходу узнал сигарету заядлый курильщик Гоша. Крутые сигареты. Не очень подходящее место для раскурки таких папирос, машинально отметил он. Собственно, и сама девушка не выглядела бомжихой – модные туфельки, к которым уже прилипла грязь пустыря, новенькие джинсы, плотно обтягивающие ее стройные ножки, да и куртка не какое-нибудь фуфло китайское... Что она тут делает?

Бомж непроизвольно замедлил шаг, откровенно любясь девушкой. Она поймала его взгляд и лучезарно улыбнулась.

– Пошли, – коротко ткнул его в бок Саныч. – Че забуксовал?

– Молодые люди, у вас не будет спичек? – хлопая ресницами, спросила девушка. Словно сомневаясь, что ей поверят, она помахала в воздухе потухшей сигаретой.

Гоша с готовностью полез в карман. Для этого ему понадобилось снять с плеча сумку, проклятая лямка которой уже давно натерла ему кожу.

– Нету у нас спичек. И зажигалок тоже, – неприязненно глядя на безмятежно сидевшую красотку, ответил Саныч. – Двигай! – он снова толкнул Гошу, который все еще копошился в своих штанах. Ему вдруг стало не по себе. Будто вечер, суливший им отличное настроение и весомый подогрев в виде пары бутылей, ни с того ни с сего из прекрасного и солнечного превратился в пасмурный и хмурый. И хотя солнце все еще радостно грело их давно немытые шеи, бомж ощутил странное тревожное чувство.

Гоша тем временем отыскал, что хотел, и теперь не без гордости протягивал дрожащей рукой замусоленную зажигалку, которую он нашел позавчера в переходе. Глаза его гордо искрились. Он словно совсем забыл о Саныче, о том, что хотел освободить кишечник, и даже о том, зачем они вообще пошли по этой тропинке, он видел лишь тонко очерченные губы этой девушки, ее нежные, ухоженные пальчики, между которых была зажата наполовину выкуренная сигарета, и он хотел прижать эти чудесные пальчики к своим губам.

Девушка наклонилась, окунула потухшую сигарету в трепещущее пламя зажигалки и изящно откинулась назад. Подмигнула Гоше и вежливо сказала:

– Благодарю. Я Нелли.

Губы молодого бомжа, сами того не осознавая, разъехались в улыбке:

– А я Гоша.

Вспомнив, что последний раз он посещал стоматолога лет тринадцать назад, он запоздало прикрыл рот. Однако девушка, кажется, совсем не обратила на это внимания и продолжала разглядывать его смеющимися глазами.

Саньч, с тревогой наблюдавший за этой сценой, решительно схватил сумку своего друга. Вся эта ситуация ему явно не нравилась, и он уже жалел, что поддался на уговоры компаньона сократить путь.

– Все. Я пошел.

– Э, Саньч, обожди! – Гоша нерешительно затоптался на месте, раздираемый противоречивыми желаниями. Однако Саньч продолжал удаляться.

– Какой строгий у тебя друг, – сказала Нелли. Она приоткрыла свой восхитительный ротик и выпустила тоненькую струйку дыма. – Проводишь меня?

Гоша молча кивнул, продолжая ощупывать жадным взглядом фигуру девушки. Несмотря на некоторую худосочность, у нее были выпуклые, крепкие груди, которые можно было разглядеть даже через материал куртки. Кроме того, его безудержно возбуждало то, что в глазах этой соплячки он не видел и тени страха, не говоря уж о брезгливости. В больших карих глазах мелькали озорные искорки – и все.

«Проводить?» Он сглотнул слюну, внезапно заполнившую рот. А как же Саньч? Приемка может закрыться, все верно, но если он побежит догонять Саньча, тогда *уйдет* она... Уйдет, и он больше никогда ее не увидит – подобные люди никогда не бывают в таких местах. Одному богу известно, каким ветром ее сюда занесло... а теперь она хочет, чтобы он ее проводил.

Девушка легко соскользнула с коробки, небрежно отряхнула ржавую пыль с аппетитной попки и очутилась рядом с Гошей.

– Ну, так что? – тихо спросила она. – Ты так и будешь стоять и пялиться на меня, как баран? Или сделаешь что-нибудь? Может, тебя интересуют... мальчишки? Со сладкими задницами?

Гоша от неожиданности отпрянул назад, обалдело уставившись на девушку.

– Рот-то закрой. А то пыль налетит, – с усмешкой сказала Нелли. Она затоптала окурок ногой. – Пошли, Георгий, как там тебя?

– Семенович, – голос бомжа стал хриплым.

– Георгий Семенович! – пропела девушка и многозначительно улыбнулась. Она пошла вперед. Гоша послушно поплелся вслед за Нелли совершенно в другую сторону от приемного пункта.

– Стой, где стоишь, Гоша, – мягкий голос заставил его вздрогнуть.

– Чего? – спросил он.

Нелли подошла к нему вплотную, и бомж уловил исходящий от нее запах – дезодоранта, жевательной резинки и свежего женского пота. Этот аромат сводил его с ума. Его вдруг охватило непреодолимое желание прижать эту маленькую засранку к себе изо всех сил, разорвать на ней всю одежду, а потом мять ее белое молодое тело, мять так, чтобы она кричала... Его рука автоматически легла на ее крохотное плечико.

– Просто сегодня ты умрешь, – прыснула девушка, как-то странно махнув рукой. В животе Гоши что-то неприятно кольнуло.

– Как это? – улыбаясь, спросил Гоша, решив, что шутка, в общем, неудачная. Нелли потянула руку вверх, и в этот же момент внутренности молодого человека пронзила острая боль, будто кишки затянули в морской узел. Он защитил руками живот.

Нелли мягко, по-кошачьи шагнула назад.

Гоша неверяще смотрел на ладони. Они были красными. Он охнул, посмотрел вниз, и от увиденного ему стало дурно. Кишки. Его кишки, они бесформенным мешком вывалились

из распоротого живота, как помои из лопнувшего пакета, который несут выкидывать в мусоропровод.

– Почему? – слабеющим голосом произнес он. Неуклюже качнулся в сторону, теряя равновесие, но на ногах удержался.

– По кочану. И по попе палкой, Гоша, – с некоторым сожалением сказала девушка. Она вытерла об лопух свое оружие – охотничий нож «Шершень». Гоша успел заметить, что перед этим с зазубренного лезвия упала капля крови. Его крови. – Не хочешь поцеловаться, малыш? – шепотом спросила она. – Поцелуй смерти, на прощание, ты как?

Ничего не видя перед собой, бомж, шатаясь, вышел на злополучную тропинку и побрел налево, в сторону приемного пункта.

Девушка проводила его спокойным взглядом, затем вытащила из нагрудного кармана крошечный мобильный телефон и набрала чей-то номер.

– Да. Ага, идет к вам, – сказала она кому-то.

«В обход. Нужно было идти в обход, – стучало в голове Гоши. Господи, какой же он кретин, что не послушался Саныча... – Быстрее, вызвать „Скорую“...» Он быстро терял силы и знал – еще немного, и он упадет. А падать никак нельзя... Ему казалось, будто внутри него кто-то безжалостно скручивает стальную проволоку, туго перетягивая печень, селезенку, добираясь до сердца. Горячая кровь струилась между пальцев, внутренности почти полностью вывалились наружу, и молодой человек старательно поддерживал их руками.

В штанах неожиданно появился теплый блин, и Гоша не сразу сообразил, что его организм проблему с перегруженным кишечником решил самостоятельно. Перед глазами сгустился розовый туман, но он все же разглядел, что на тропинке кто-то лежит. Сделав еще два шага, Гоша споткнулся и упал на колени. От удара клубок кишок не удержался на руках и упал в грязь, прямо перед ним.

Он узнал лежащего. Это был Саныч. Узнал по одежде, потому что вместо лица увидел красное тесто.

– А-а-а-ааааааа!!! – не своим голосом заорал Георгий Семенович и повалился на труп своего друга. Через мгновение он умер.

Вскоре из зарослей показалась мужская фигура, за ней еще три. Откуда-то появилась девушка, назвавшаяся Нелли. Она брезгливо пнула носочком дорогой туфельки мертвое тело Гоши. Ее лицо выражало отвращение.

Один из молодых людей присел и проверил пульс Гоши. Затем поднялся и удовлетворенно кивнул. Все так же, не говоря ни слова, они исчезли. Незаметно и бесшумно, как призраки.

Трупы обнаружили только через два дня. На страшную находку наткнулся мужчина, который искал свою собаку. Его французский бульдог, которого он выгуливал, внезапно погнался за дворовой кошкой, а та бросилась к свалке. Вот так, предельно просто. Приехавшие по вызову сотрудники милиции взяли у мужчины объяснение и, закурив, стали ждать труповозку. Приближаться к начинающим разлагаться трупам они не спешили – к специфическому запаху помойки от их одежды примешивался стойкий аромат фекалий. Только после того, как мертвые тела без особых церемоний были заброшены в труповозку, мужчину отпустили. Проходя мимо куривших сержантов, он краем уха услышал, как один из них обронил какую-то фразу, из которой он расслышал только что-то по поводу тенденции.

2

– Две «Сибирские короны», один «Туборг» 0,33, двести грамм «Флагмана», соки – томатный и абрикосовый... Так... Еще – 500 грамм креветок, маринованные шампиньоны и один жульен.

– Что-нибудь еще?

– Пока все, – среднего роста молодой человек со светлыми волосами широко улыбнулся, и официантка не могла не улыбнуться в ответ. Захлопнув блокнот, она ушла выполнять заказ. От взгляда блондина не ускользнуло, что обратно она шла, нарочито виляя бедрами.

– Что, Гюрза, опять на сок перешел? – спросил его широкоплечий крепьш, для которого была заказана водка.

– Перешел... Позавчера выпил пива, потом всю ночь размышлял, чем отличается диарея от поноса.

Раздался негромкий смех. Блондин тоже усмехнулся, однако его глаза напоминали две хрустальные льдинки.

– Это плохо, Гюрза. Значит, печень пошаливает, – произнес третий юноша. У него были длинные темные волосы, собранные в хвост. Он вытащил пачку и, обнаружив, что последняя сигарета переломлена пополам, обратился к сидящей рядом девушке:

– Любимая, у тебя еще осталось чем травиться?

Та утвердительно кивнула и протянула ему пачку «Парламента». Длинноволосый юноша выбрал сигарету и с наслаждением затянулся.

– Алекс, твои сегодня дома? – поинтересовалась девушка.

Тот выпустил дым и отрицательно покачал головой.

– Все в силе, – он бросил взгляд на блондина. – Гюрза, подбросишь?

Блондин молча кивнул.

Пока молодые люди лениво перебрасывались фразами, официантка принесла заказ.

Алекс поднял бокал с пивом. Лицо его было скорбно-торжественное, как у священника, принимающего исповедь у приговоренного к смерти грешника.

– Уважаемые коллеги, предлагаю тост за медицину. И успешно проведенную операцию, в частности.

Все выпили, не чокаясь. Жуля, широкоплечий крепьш, выдохнув, опрокинул себе в глотку рюмку водки, слегка сморщился, после чего набросился на шампиньоны.

– Как твои успехи в техникуме? – спросил у него блондин.

– Как в самолете. Тошнит, а блевануть не могу, – торопливо прожевывая грибы, отозвался Жуля и хохотнул, радуясь удачной шутке. Впрочем, сидящих ребят она не особо обрадовала, девушка даже скривила губки.

– А точнее?

– Гюрза, чего привязался? – недовольно произнес Жуля. Он вытер рот и полез за сигаретами.

– Потому что я тут кое-что узнал. Тебя ведь выперли. Так? – юноша в упор смотрел своими глазами-льдинками на Жулю. На мгновение тот смутился, но быстро взял себя в руки.

– Ну выперли. А ты откуда знаешь? – он с вызовом посмотрел на блондина.

– Птичка напела. Выкладывай.

– Что?

– Все выкладывай, за что и как.

Жуля закурил, не спеша убрал пачку в карман. Рукав футболки задрался, обнажая накачанный бицепс, который опоясывала цветная татуировка в виде затейливого орнамента с

вкрапленным словом.¹ Надпись была исполнена готическим шрифтом, и прочесть ее с первого раза удавалось не всем.

– Препод там один... Чмо педальное, затрахал уже, жизни никакой... Грозился декану докладную накатать, – лицо юноши из туповато-безразличного стало злым. – А потом вызвал и говорит: «Не могу понять, Андрей Витальевич, какого это хера вы тратите свое драгоценное время в нашем учебном заведении?»

– Ну а ты? – подал голос Алекс.

– А чего я? Я ему, типа: «Понимаете, Дмитрий там какой-то Борисыч, очень, типа, хочу строить мосты и все такое». Он смотрит на меня так жалостливо, будто я шизофреник какой, и говорит: «Очень жаль, Андрей Витальевич, но ваши знания у нас ни х... не прокатят...»

– Что, так и сказал? – не поверил Алекс, отхлебнув пива.

– Ну, типа того. – Жуля взял креветку, содрал с нее панцирь и ловко закинул ее в рот. – Сказал, что он не пустил бы гусей через мост, который бы спроектировал я.

Он наполнил рюмку из запотевшего графина.

– Ну, и дальше? – В голосе блондина проскользнули нетерпеливые нотки.

– Короче, он мне предложил валить из технаря. Я стою, совершенно офигевший, смотрю на него, а он как ни в чем не бывало: «Что-то непонятно? Вы что-то хотите, Андрей Витальевич?» И улыбается, слащаво так, гнида! Ну, я не выдержал и говорю: «Да, Дмитрий как вас там Хреныч, я кое-что хочу. Я хочу поехать к своей бабушке в деревню, целую неделю жрать там самогон, плясать на дискотеке в местном ДК с толстыми доярками и не мыться при этом, а потом приехать к вам, снять трусы и дать вам понюхать свою писю...»

Последнее слово Жули заглушил смех, даже девушка захихикала, прикрывая рот ладошкой. Довольный произведенным впечатлением, Жуля глупо улыбался, продолжая поглощать дымящиеся креветки. Не смеялся один лишь блондин, которого называли Гюрзой.

Когда все уgomонились, он наклонился поближе к Жуле и сказал:

– Очень остроумно. А что ты собираешься делать дальше, Жуля?

Юноша беспечно повел плечом.

– Там видно будет. Авось, найду какую-нибудь работенку.

– Какую? – холодно улыбнулся блондин. – Дворником? Расклейщиком объявлений?

– Да что ты прицепился, Гюрза? – вдруг разозлился Жуля. Его кругловатое лицо снова стало злым, маленькие глазки недобро сощурились. – В армии я отколбасился, ну подумаешь, не вышло с технарем... Да и не нравилось мне там никогда. Я сам разберусь, не лезь в мои дела.

– Вечером позвони мне, – не обращая внимания на его грубый тон, ответил Гюрза.

Жуля немного успокоился и допил остатки водки.

Посидев еще несколько минут, блондин спросил, обведя всех взглядом:

– Снимаемся?

Он остановил взгляд на невзрачном молодом человеке с плоским лицом. У него были бесцветные глаза, будто, когда его создавали, в палитре закончилась краска, узкий хищный рот, волосы на голове острижены почти наголо. За весь вечер он проронил лишь одну-две фразы.

– Мика, все о'кей?

Юноша кивнул.

– Девушка, будьте добры, счет! – крикнул блондин проходящей мимо официантке. Он заметил, что во время застолья она изредка бросала на него пристальные взгляды. Расплатившись, он одарил ее своей фирменной улыбкой, не без удовлетворения отметив, как вспыхнули ее щеки.

Все задвигали стульями, выбираясь из-за стола.

¹ От англ. – забияка, задира.

– Как самочувствие? – спросил Алекс у девушки, когда они остались вдвоем в машине – «Фольксваген Пассат» цвета «лагуна-металлик». Гюрза за рулем, Алекс с Нелли расположились на заднем сиденье.

– Да все в порядке, – немного капризным голосом отозвалась она. – Спать хочу.

Какое-то время они ехали в полной тишине, затем Алекс снова заговорил:

– Я уж думал, сегодня облом выйдет. А эти лохи просто случайно забрели.

– Ничего не случайно, – не отрываясь от дороги, проговорил Гюрза. – Они торопились цветмет сдать – у них полные сумки такого хлама. А этот путь самый короткий.

– Может, и так, – согласился Алекс. Он ласково обнял сонную девушку. – Что ты на этот раз придумала?

Нелли фыркнула, прижимаясь к нему.

– Там и придумывать было нечего. Он как только меня увидел, у него слюни в пять ручьев потекли... Стоит, улыбается, прямо как наш Жуля.

При упоминании о Жуле Алекс издал смешок.

– Он мне: «Меня зовут Гоша». А я ему говорю: «Я Нелли... Проводите меня». А он...

– Ты назвала ему свое имя? – перебил ее Гюрза, и что-то прозвучавшее в его голосе заставило девушку вздрогнуть. Она неуверенно посмотрела на Алекса, словно ища в нем поддержки, и медленно ответила:

– Ну да. Не вижу смысла врать, – она вдруг хихикнула. – Это нехорошо, особенно если врешь людям, которым осталось жить совсем ничего, – и девушка жестко улыбнулась. Но светловолосый юноша словно не слышал ее.

– Ты не должна была называть ему свое имя.

– Гюрза, да брось ты. Все ведь нормально прошло, – попытался вмешаться Алекс.

Тот ничего не ответил, и Алекс с облегчением подумал, что вопрос исчерпан, как вдруг машина, взвизгнув шинами, резко затормозила.

– Эй, ты что? – испуганно вскрикнула Нелли.

Блондин остановил «Фольксваген» и обернулся. Лицо его было спокойно, но Алекс знал, что тот едва сдерживается от ярости.

– Девочка, запомни, что я тебе скажу. Хочешь бесплатную путевку в Магадан? Сколько раз было сказано – никаких имен. Никаких кличек и тому подобное... запомни это раз и навсегда!

– Гюрза... – начал было Алекс, но тот его оборвал:

– Не лезь, Алекс. Мы с вами не мелочь по карманам тырим, соображаешь?!

Алекс прикусил язык. Нелли с неприязнью смотрела на блондина, красивые руки нервно теребили лямку кожаной сумочки.

– Нелли... ты поняла? – тон Гюрзы неожиданно стал мягким. Девушка кивнула, сильнее прижимаясь к Алексу.

– Ну и ладушки, – удовлетворенно сказал Гюрза и завел машину. – Чтобы это было в последний раз, – как бы мимоходом обронил он. Алекс с Нелли переглянулись, но решили промолчать.

Остаток пути они доехали в полной тишине. Гюрза высадил их у подъезда, сухо пожелал спокойной ночи и укатил в ночь.

Прежде чем войти в дом, Алекс с Нелли проводили взглядом умчавшуюся машину.

– Что-то не нравится он мне в последнее время, – сказала девушка, зябко поведя плечами. – Какой-то он стал... Немного того, – ее тоненький указательный пальчик описал дугу вокруг виска. – Уж лучше бы он кричал на меня... Это я, в конце концов, могу понять. Но этот его вкрадчивый тон... Он действительно похож на змею.

Алекс поцеловал ее в губы.

– Пойдем, – тихо проговорил он, и они вошли в подъезд.

3

Светловолосый юноша, которого молодые люди называли Гюрзой, умело припарковал свой «Фольксваген», каким-то невообразимым образом умудрившись втиснуть его между потрепанной «Нивой» и забрызганной грязью «Дэу Нексия». Вылез из автомобиля, пикнул сигнализацией. Машина послушно моргнула фарами.

Юноша мягко провел рукой по блестящей гладкой поверхности капота.

– Спасибо тебе, – прошептал он и направился к подъезду.

Настоящее имя этого молодого человека было Юрий Тягушев. Двадцатилетний студент четвертого курса юридического факультета МГУ, уверенно идущий к красному диплому, обладатель синего пояса по тэквандо (именно на тренировках он и получил кличку этой экзотической змеи), с неплохими внешними данными, которые зачастую заставляли колотиться женские сердца быстрее, чем обычно.

Он поднялся на свой этаж, открыл квартиру, включил свет.

– Кляксич! – позвал он, снимая с себя куртку. Из глубины комнаты появился вальяжный кот невероятных размеров. Маленькими были только уши, трогательно свисающие по бокам массивной головы, но для шотландской породы вислоухих это являло самый шик. Кот был, как говорится, «радикально черного цвета», за что и получил кличку Кляксич.

Важно прошепстав к Юрию, кот выгнул спину и принялся тереться спиной о его ноги. Юноша ласково погладил животное и прошел в ванную. После холодного душа он проглотил бутерброд и улегся на диван перед телевизором.

Спать не хотелось. Так было всегда, после очередной акции. Странно. Казалось бы, все естество должно быть удовлетворено, внутри должны царить умиротворенность и покой, адреналином пропитаны все жилы и мышцы, эмоции выплеснуты, как кипящее масло из котла, выплеснуты на свалках, у заброшенных гаражей, на чердаках и в зловонных подвалах, но всегда после этого оставалось чувство незаконченности, какой-то незавершенности. И это не нравилось Юрию.

Собственно, все началось задолго до его знакомства с Алексом. Еще в далеком щемящем сердце детстве он помнил, как отец долго и нудно втолковывал ему, как «нехорошо ходить замарашкой» и «посмотри на этих грязнуль, неужели ты хочешь быть похожим на них!?!». Юра машинально мотал головой, обрамленной светлыми волосами, и послушно шел мыть руки, но, несмотря на все строгие запреты, его всегда тянуло смотреть на чумазых ребятишек, оживленно копошившихся в песочнице у них во дворе. Хотел ли он быть среди них? Юра не знал, а возможно, просто не задумывался, действительно ли его интересует ответ на этот вопрос.

Уже в детском саду он не нуждался в лишних напоминаниях воспитательницы о том, что необходимо вымыть руки после прогулки и все такое прочее, и та постоянно ставила его в пример другим детям. Мальчишки смеялись над ним, когда на прогулке маленький Юра тщательнейшим образом протирали качели носовым платком, прежде чем сесть на них. Мало того, после прогулки он стирал этот платок и аккуратно вешал его сушиться на батарею, чтобы во время тихого часа тот высох. Впервые увидев эту процедуру, глаза воспитательницы поползли на лоб. После вопроса Юре: «Зачем ты это делаешь?» – он невозмутимо отвечал: «Ведь после полдника снова гулять?»

С третьего класса он начал носить с собой в школу маленькую щетку и банку гуталина и постоянно подчищал обувь. По возможности, он старался не пользоваться школьными туалетами, но если терпеть уже было невозможно, он всегда подкладывал салфетки, которые тоже всегда таскал с собой. Руки мыл на каждой перемене.

Бомжей стало значительно больше, когда началась перестройка, и их количество неуклонно росло. Никакие социальные программы и громкие лозунги о повышении уровня

жизни населения не могли помешать росту армии бездомных бродяг, которые стали тем, кем они стали как в силу субъективных причин, так и объективных жизненных реалий.

Юра никогда не забудет, как однажды он с отцом (тогда у них еще не было машины) ехали в метро, и на одной из станций в вагон в буквальном смысле вполз какой-то старый бомж. Происшедшая метаморфоза поразила маленького Юру – только что вагон был забит до отказа пассажирами, но стоило появиться забулдыге, как все куда-то рассосались. Пассажиры каким-то непостижимым образом ухитрились размазаться вдоль стенок, лишь бы не оказаться в опасной близости от бомжа, разве что на потолок не вскарабкавались. Тут же поплыл жуткий запах – адская смесь мочи, застоялого пота и перегара. Ничтоже сумняшеся, бомж уселся на освободившееся сиденье прямо напротив Юры с папой и занялся важным делом – обгрызанием коросты с рук, покрытых мокнувшими язвами. Юра во все глаза смотрел на него, отец же брезгливо отвернулся, закрыв нос платком. На следующей станции они вышли, бомж к тому времени уже начинал ерзать, поудобнее укладываясь на сиденье, по всей видимости, намереваясь вздремнуть.

После этого прошло почти двенадцать лет, но перед глазами Юрия всегда будет стоять эта картина – очумевшие лица людей, воротящих носы от вони, и это разлагающееся нечто, которое с невозмутимым видом выгрызало с рук незаживающие болячки... И с того момента он возненавидел «их».

В метро он теперь почти не ездил, так как пересел сначала на «десятку», а потом отец (к тому времени уже переехавший с матерью в Канаду) добавил ему на «Фольксваген». Но «они» все равно постоянно напоминали о себе своим присутствием, суетливо ковыряясь в какой-нибудь урне либо выклянчивая мелочь у пивного ларька. И каждый раз при виде «их» сердце Юрия как-то странно замирало, словно предвкушая неожиданное зрелище, в голове появлялись посторонние мысли, от которых юноше порою становилось неуютно. Такими мыслями он никогда не делился ни с друзьями, ни тем более с родителями.

Его память будет всегда хранить тот случай, те чувства, что он пережил в тот момент (впоследствии он часто признавался сам себе, что подобные ощущения ему уже вряд ли придется испытать), это было сродни первому оргазму – ошеломляющему, сумасшедшему, сладкому, как холодный арбузный сок...

Это произошло на втором курсе, когда Юре было восемнадцать. Он уже год жил один, и это его вполне устраивало – родители рано приучили его к самостоятельной жизни. Стоял февраль, самая середина. Прошлым вечером у Юры в квартире отмечали какую-то вечеринку, какую – он уже и не помнил. Народ разошелся уже глубоко за полночь, у него остался ночевать лишь Андрей из параллельной группы. Он слишком усердно весь вечер смешивал виски с темным пивом, безуспешно пытаясь остаться при этом в кондиции. Наутро Андрей должен был встречать посылку из Астрахани, о чем он успел сообщить Юре, дабы тот встряхнул его в нужное время... В положенный час Андрей был разбужен и в состоянии анабиоза поковылял домой. Через минуту в дверь раздался звонок. Юрий в раздражении кинулся открывать, мысленно желая звонившему провалиться ко всем чертям. На пороге стоял взъерошенный Андрей.

– Юр, я шарф забыл, –дохнул он парами выпитого виски с пивом. – Кстати, там у тебя на лестнице бомж дрыхнет. Я бы на твоём месте ментов вызвал, вдруг он заразный, – добавил он, когда Юра протянул ему шарф.

Закрыв за сокурсником дверь, Юра некоторое время прислушивался к гулкой дроби бегущих по ступенькам ботинок. Он вдруг подумал, что ему совершенно не хочется спать.

Некоторое время юноша неподвижно стоял возле закрытой двери в полной темноте, слыша только собственное дыхание. Затем надел тапки и выскользнул на лестничную площадку, аккуратно прикрыв за собой дверь. На лестничном пролете между пятым и четвертым этажами он увидел «его». Впрочем, сначала Юра почувствовал жуткий запах и громогласный

храп. Прикрыв нос рукой, он подошел вплотную к спящему бомжу. Надо сказать, тот спал прямо-таки по-королевски – раскинув в стороны руки и ноги, как будто бы у него выдался чертовски сложный денек и ему пришлось принимать массу ответственных решений. Облезлая ушанка закрывала его глаза от света флюоресцентных ламп, одутловатое лицо в каких-то грязных потеках, рот приоткрыт, подбородок блестел от подсыхающей слюны. Одет он был в старое демисезонное пальто, один рукав которого был почему-то обмотан шнурком. Обувь бродяги (две раскисшие кроссовки разного цвета и размера) стояла у батареи, и из его драных, похожих на дуршлаг носков торчали пятки, которые в последний раз мыли, наверное, при рождении.

Юра не отрываясь смотрел на лежащее тело, чувствуя, что, несмотря на прикрытый рукой нос, его сейчас вырвет.

– Эй, – прошептал он, осторожно коснувшись бомжа носком тапки (тапка была в виде пушистой умильной собачки, хотя самих собак Юра на дух не переносил). – Эй, вставай! – повысил он голос, видя, что «тело» и не думает просыпаться. Наконец его проняло. Как «это» очутилось в его подъезде? И куда смотрит консьерж? Он сильно ударил бродягу в бок.

– Поднимайся, срань! – крикнул Юра. Он убрал руку от носа и чуть не пошатнулся от дикого смрада – похоже, этот грязный хер еще и обделался во сне. Он снова ударил бомжа, и тот наконец подал первые признаки пробуждения. Лениво перевернувшись на бок, он приоткрыл один заплывший глаз и коротко выдал:

– Пошел на х...

После этого он надвинул ушанку еще глубже на глаза и захрапел с удвоенной силой.

Юру обуяла ярость. «Пошел на х...»? О'кей, нет проблем!

Развернувшись, он взлетел на свой этаж. Нет, он поднялся к себе не затем, чтобы вызвать милицию, и уж тем более не потому, что решил плюнуть на валяющегося в собственных экскрементах спящего бомжа и лечь спать. Шлепая задниками тапок-собачек, он прошел на кухню и щелкнул кнопкой электрического чайника. Весело замерцала оранжевая лампочка, извещая, что вода скоро вскипит.

Когда все было готово, он достал из шкафа небольшую хромированную кастрюльку и перелил туда кипяток. Настроение заметно поднялось, внутри все пело и звенело, и Юра понял, что сегодняшней день привнес в его жизнь нечто очень важное, настолько важное, что оставалось только недоумевать, как эта мысль не посетила его раньше.

Обратно он шел не торопясь. Время было только 6:30, выходной день, и никто ничего не должен услышать и узнать.

– Привет, говно, – тихо произнес он, останавливаясь перед спящим. Тот оставался лежать в такой же «королевской» позе. Вяло сделал неопределенный жест рукой, что могло означать, будто он услышал Юру и таким образом отвечает на приветствие.

– Я принес тебе чайку, – процедил юноша и сбросил с бомжа носком своей «собачки» ушанку. Сморщился, увидев покрытый струпьями чумазый голый череп. Он вдохнул пар, шедший из кастрюльки, и после этого стал лить кипяток на лицо бродяги...

Нечеловеческий вопль испугал его, и рука дрогнула. Несколько капель воды попали на его «собачки».

Юра пришел в себя только в своей квартире, закрыв дверь на все замки. Он закрыл уши, потому что на лестнице творилось нечто страшное, и это потом долго преследовало его по ночам. Он швырнул на пол кастрюлю, скинул с ног «собачек» и бросил их в мусорное ведро. Затем прошел в гостиную и включил телевизор, стараясь привести свои мысли в порядок, но жуткие крики, казалось, заглушали все на свете, проникая через двойную железную дверь и сводя с ума своей болью...

Неожиданно зазвонил телефон. Юра взял трубку.

– Слушаю.

– Гюрза, это Жуля, – ворвался в ухо знакомый нетерпеливый голос. – Ты сказал, чтобы я позвонил...

– Я помню. – Юноша немного помолчал, затем сказал: – Жуля, я не вправе учить тебя жизни... тебе уже не пятнадцать лет, и свои сопли ты в состоянии подтирать сам.

– Ты о чем? – В голосе Жули сквозило недоумение.

– Я о том, что пора подумать о своих перспективах. За твою выходку в технаре следовало бы дать тебе в репу, ты понимаешь, о чем я?

– Гюрза, я...

– Помолчи. Ты знал, каких геморроев мне стоило пропихнуть тебя в это заведение. А ты взял и все просрал. Тебе весело? Молодец, сегодня ты всех рассмешил. Только ребята через пять минут забыли о твоей байке, а ты оказался в жопе. Что будешь дальше делать? Раздавать у метро бумажки с надписью «ПОХУДЕТЬ НЕДОРОГО БЫСТРО»? Чтобы до конца жизни тебя называли Жулей?

В трубке некоторое время недовольно сопели. Затем Жуля подал голос:

– Не знаю, Гюрза, но почему-то только тебе я разрешаю разговаривать со мной в таком тоне. Извини, конечно, если я тебя подвел с технарем, но... не могу я так. Для меня эта учеба хуже армии.

– Хорошо, – сказал Юра, однако по его голосу было видно, что ничего хорошего он в этом не видит. Никаких, в задницу, «хорошо». – Как насчет... Охраны? А, Жуля?

– Охраны? – с сомнением протянули на том конце провода. – Сколько башляют?

– Шестьсот «зеленых», сутки через трое, плюс обеды, – пояснил Юра.

– А че делать-то? – оживленно спросил Жуля.

– Склады будешь в одной компании сторожить. Подробности завтра.

Они распрощались. Только Юра нажал кнопку «off», как тут же телефон разразился новой трелью. Молодой человек чертыхнулся.

– Слушаю! – резко сказал он.

– Это я, – послышался томный женский голос. Ива. Юра поморщился. Меньше всего он хотел сейчас слышать (а видеть и подавно) свою недавнюю подругу. У нее было редкое имя Иванна, но все ее называли Ивой. Высокая красивая девушка с волосами цвета воронова крыла. Она имела ослепительную внешность, но почему-то ее прелести казались Юре фальшивыми, она напоминала ему дорогую куклу с вечно капризно надутыми губками и бестолково хлопающими ресницами.

– Чего молчишь? – недовольно спросила она.

Гюрза скривился, как от зубной боли.

– Ива, у меня сегодня был трудный день. Я...

– А я хочу, – перебила его девушка, сделав ударение на «я», – чтобы ты сейчас приехал ко мне. Мои «шнурки» свалили к бабке в деревню и появятся только завтра вечером. Возьми креветок, тигровых, моих любимых, и...

– Ива, – в свою очередь перебил ее Юра. – Я никуда не поеду. Я уже ложусь спать, понимаешь? Созвонимся завтра.

– Завтра-а? – словно не веря своим ушам, переспросила девушка. Слыша ее голос, Юра представил, как она непроизвольно поправила свою прическу, будто кто-то мог усомниться в ее красоте. – Завтра? – повторила она глуповато. – Юра, если ты устал, я могу сама к тебе приехать...

– Нет, – отрезал юноша, с трудом сдерживаясь, чтобы не послать ее к черту. – Все, целую, – он бросил трубку, прежде чем разъяренная Ива попыталась что-то возразить. Затем вытащил шнур из розетки. Поразмыслив, он отключил и мобильный телефон.

4

Следующий день был выходным. Каждая акция (хотя, например, Алекс имел обыкновение называть эти мероприятия операциями, строя из себя классного хирурга, но Юре это слово не нравилось, звучало в нем что-то ментовское) была спланирована так, чтобы следующий день оставался по возможности свободным – выходным либо праздником.

Утром он ходил в церковь. Гюрза делал так каждый раз, и, стоя в храме с закрытыми глазами, он молился. За себя, своих родителей и... за тех, «других»...

Примерно в час дня о себе снова дала знать Ива, но Юра буркнул в трубку, что у него поднялась температура и он лежит пластом, не в состоянии дотащить даже до унитаза. Ива обиделась и отключилась, но юноша прекрасно знал, что утром в университете она как ни в чем не бывало повиснет у него на шее с наигранно-капризным выражением. Впрочем, он на самом деле лежал пластом на диване, но не по причине болезни – он смотрел телевизор.

Глядя на мелькающие кадры какого-то американского боевика, Юре пришло в голову, что еще ни разу за все время они не встретились на следующий день после акции, это было как бы негласным правилом – каждый восстанавливал свои физические и моральные силы как мог и как хотел. Сам он любил весь день проваляться вот так, на диване, попивая слабоалкогольный коктейль и играя с Кляксичем. Жуля, например, тоже пил коктейль (только из водки и «Жигулевского» пива) со своими дворовыми друзьями, которые уже к двадцати пяти годам выглядели на все пятьдесят. Мика уезжал в Калужскую область, где встречался со скинхедами (коим сам был в недалеком прошлом); что они делали – Мика не рассказывал, но Гюрза догадывался. Алекс и Нелли всегда шли в сауну, словно стараясь вместе с водой смыть с себя все грехи.

Вечером Юра просмотрел электронную почту – он занимался переводами и неплохо на этом зарабатывал. Несмотря на то что он был еще студентом, у него уже сложился постоянный круг клиентов, которым, кроме переводов, он давал консультации по различным юридическим вопросам.

Затем он покормил Кляксича и рано лег спать.

5

– Ну, и как мы сегодня себя чувствуем? – требовательно спросила Ива на следующий день, когда они столкнулись на лестнице в университете. Она уперла руки в бока и была очень похожа на разозленную супругу, которая вышла в прихожую встречать пьяного в стельку мужа.

«Не хватает только задрипанного халата и бигуди», – улыбнувшись, подумал про себя Юра. У него было хорошее настроение и никакого желания спорить с Ивой.

– Сегодня – великолепно, – сказал он, одарив ее лучезарной улыбкой. Он поцеловал опешившую девушку в щеку и приобнял за талию.

– Тягушев, тебя хрен поймешь, – буркнула она, но тем не менее прижалась к нему. – Разговариваешь по телефону – будто по тебе панихиду справляют, а в институте сияешь как пятак... Ты...

Но Юра ее перебил:

– Поедешь сегодня ко мне? Вечером? – Он слегка куснул Иву за мочку уха, и та кокетливо захихикала.

– Я не знаю... Может быть, – девушка словно находилась в глубоком раздумье, размышляя, стоит ли тратить свое время на этого непредсказуемого юношу.

– Я заеду за тобой после тренировки, – произнес Юра и, поцеловав ее на прощание, стремительно направился вверх по ступенькам, оставив Иву с открытым ртом.

«Засранец», – глядя на его спортивную фигуру, думала она. Только ему одному она позволяла обращаться с собой так, и это ее возбуждало.

Лекции пролетели незаметно, и Юра с удовольствием выскочил на улицу, вдыхая свежий воздух. Разумеется, в большом городе воздух абсолютно свежим не бывает, но после душной аудитории и нудного разжиревшего лектора по кличке Келдыш ему показалось, что он очутился в весеннем лесу.

Гюрза прыгнул в свой «фолькс» и направил машину на Преображенку, где находился клуб восточных единоборств. Как он ни гнал, но на Кольце снова образовалась пробка, и он опоздал на несколько минут. Тренер Владислав (именно он потребовал, чтобы его звали только по имени) неодобрительно покосился на запыхавшегося Юрия, который на ходу завязывал пояс, и коротко бросил, указывая на висящие над входом часы:

– Время видишь?

Юра видел. Он опоздал на семь минут, ровно столько ему придется выдержать ударов в пресс.

После «экзакуции» Юра встал в строй. Кулак у Владислава был крепче стали, и несмотря на тренированные мышцы пресса, живот Юры горел. Мог бы и не так сильно лупить, подумал он. Он знал, что Влад в общем-то доволен его успехами, но когда дело касалось дисциплины, то становился неумолим. Все знали, что повторное опоздание означало увеличение количества ударов в два раза, плюс отжимания на кулаках. Если ученик опаздывал в третий раз, он автоматически вылетал из секции...

Тренировка прошла замечательно, и Юра, усталый, но чрезвычайно довольный, сел в машину, ожидая Иву. Она опоздала минут на пять, и это было для нее настоящим прогрессом – обычно ее приходилось ждать по полчаса минимум.

Ива ловко скользнула на переднее сиденье, впусив с собой аромат каких-то новых эротических духов. С нарочитой небрежностью чмокнув Юру в щеку, она извлекла из пачки тоненькую сигаретку, в диаметре немногим больше спички, и закурила.

– Останешься сегодня у меня? – спросил Юра, включив зажигание. Ива отметила, что вопрос прозвучал как-то обыденно, по-простому, таким дежурным тоном обычно предлагают налить водки нежданному гостю.

– Если не выгонишь. – Ива опустила окно со своей стороны.

Юноша хмыкнул. «Как же, выгонишь тебя», – подумал он, вырulingая «фолькс», а вслух сказал:

– А твои предки не против, что их дочь проводит ночь у молодого человека? Я ведь даже не знаком с ними...

– Уж наверно, мне лучше проводить ночь у молодого человека, а не у старого, – перебила его Ива, стряхивая пепел в окно. Ветер моментально развеял светло-серый столбик.

– Твоя правда, – пробормотал Юра, следя за дорогой. Ива включила радио, и салон машины заполнил гнусавый голос «Муммий-тролля». Юноша поморщился и переключил радио на другую волну.

– Юрчик, оставь! – надула губки Ива. – «Завтра мы идем тратить все твои, твои – мои деньги...» – пропела она, возвращая прежнюю волну.

«Символическая песня», – промелькнула у Юры мысль.

Пока Ива весело щебетала, без особого интереса поглядывая по сторонам, он с тоской думал, что в ее обществе чувствует себя одиноким. Да, в институте ему отчаянно завидовали, переговариваясь у него за спиной, что, мол, вот это Тягушев, надо же, оторвал себе такую телку, и все такое прочее. На самом же деле он явственно ощущал, как между ними образовалась некая невидимая преграда, и в последнее время она стала расти, как мухомор после хорошего ливня. Странно только, что Ива ничего не понимает и не видит. Или не хочет видеть. Зато она прекрасно видит его финансовые возможности и не упускает случая принять активное участие в их использовании.

Машина выехала на Садовое кольцо. Он не слушал Иву. Голос сидящей рядом с ним девушки становился похож на бессвязное бормотание фанатика-богомольца. В его памяти снова стали воскресать знакомые образы, события прошлых лет, все, что касается «их», удачно проведенные акции...

Своего первого сподвижника Юра встретил случайно на дороге. У него забарахлила коробка передач, и, отогнав автомобиль в сервис, он стал «голосовать». Буквально через пару секунд перед ним остановилась пыльная «восьмерка». Так он познакомился с Алексом, а если точнее – Алексеем с княжеской фамилией Черкасский.

Юра влез в салон и тут же понял, что тот пьян. Он уже собирался выйти из машины, но чья-то невидимая рука холодно сжала все его тело, и он остался. Выяснив, что им «почти по дороге», Алекс оживился, и, пошарив на заднем сиденье, протянул Юре банку «Старого мельника». Гюрза автоматически открыл банку и сделал несколько глотков, в то время как Алекс весело болтал о том, с какой «клевой вечеринки он возвращается» и как «круто он порол ту деваху с огромными буферами».

Проезжая мимо Курского вокзала, Алекс неожиданно выругался.

– Мешки с дерьмом, – зло сказал он. Юра проследил за его взглядом и увидел стайку бродяг, чьи согбенные силуэты отчетливо выделялись в ярком свете вокзальных огней. – Я бы на месте Лужкова приказал их напалмом жечь, чтобы сразу не распространяли...

– Напалм – неэффективное средство против мешков с дерьмом, – вполголоса проговорил Юра, отхлебывая пиво и чувствуя, как застучало его сердце. – Только вони больше станет.

Алекс тем временем продолжал материть бомжей, напроць забыв о девахе с огромными буферами, которую он порол час назад. Выдыхая алкогольные пары, он поведал Гюрзе, что однажды на светофоре к нему подвалил один такой «мешок с дерьмом» и принялся гнусаво кланчить денег. После короткого напутственного слова пойти туда, куда не светит солнце,

возле него как по команде материализовалось с десятков подобных первому оборванцев, которые принялись молча крушить его машину кусками асфальта. Алекс тогда еле ноги унес.

– А как-то раз ехал на дачу к другу – он только из армии вернулся. – Алекс явно вошел во вкус. – Ехал на электричке, тачку отец забрал. Так вот, заходит такое чмо на костылях в вагон, хоть тампонами нос затыкай. Да что там нос, он вонял так, что глаза выедало, и мухи дохли на лету. Естественно, кое-кто ему насыпал железа в пакет, а он специально медленно волочится, типа ждет, когда у людей сознательность проснется. В общем, доходит эта блевотина до тамбура, тут двери открываются, он костыли под мышку, и – вперед, Буденный, веди нас в следующий вагон! Бежал, падла, так, что всех вшей и блох по дороге растерял, все боялся, что до дверей не добежит и поезд без него отправится. А там снова повис на ходулях, типа, ой-ей, у меня снова ножки разболелись. Короче, все у них по-взрослому...

Алекс замолчал, следя за дорогой. Юра понял, что его словоохотливый случайный знакомый что-то недоговаривает, однако не стал просить его продолжать. Всему свое время.

Вскоре разговор перешел в другое русло. Он был непринужденным, но Юра сразу подметил, что его собеседник все собирался ему что-то сказать (возможно, даже вернуться к старой теме), но каждый раз в последний момент передумывал.

Темнело. Они катили по Краснохолмской набережной, затем свернули в какой-то переулок и выехали на пустынную улицу. Вскоре перед ними замаячил светофор. Машин впереди не было. «Зеленый» начал мигать, предупреждая о том, что сейчас загорится «желтый». Внезапно справа на дорогу выкатился какой-то бродяга в инвалидной коляске. Заприметив «восьмерку», он поехал им наперерез, очевидно, намереваясь «стрельнуть» мелочи.

Уже много дней спустя Юра спрашивал себя, смог бы он (если бы только захотел) предотвратить то, что произошло... И, пожалуй, самый главный вопрос – хотел ли он этого? Какая-то часть его самого, крошечная, но не очень добрая, сразу выдала ответ: «Конечно же, хотел. Хотел, Гюрза, еще как хотел...»

«Зеленый» сменился на «желтый», но Алекс и не думал снижать скорость. Юрий прекрасно видел бомжа в коляске, видел его и Алекс, но нога словно выросла в педаль газа. До калеки (а был ли он калекой? – тоже вопрос) оставалось каких-то десять-пятнадцать метров, Юре даже казалось, что он видит изумленное лицо бродяги, его скривившийся в безмолвном крике рот... Они переглянулись. Лицо Алекса изменилось, превратившись в безжизненную белую маску, на которой жили только глаза. Увидев эти сверкающие угли в глазницах, Юру словно ударило током – вот оно! Между их зрачками словно прошла искра, и в следующий момент машину сильно тряхнуло, послышался глухой удар. Завизжав тормозами, «восьмерка» остановилась.

– Посмотрим? – спросил Алекс. Он старался держать себя в руках, но Юра видел, как у него тряслись руки. Он обернулся назад. На дороге валялось что-то темное, бесформенное, коляска с гнутым колесом лежала на тротуаре в десятке метров от тела.

– Нет, поехали, – быстро принял решение Юра, и машина рванула с места. Они долго не решались заговорить друг с другом, но в конце концов Алекс спросил:

– У тебя какие дальше планы?

– Есть какие-то предложения? – вместо того чтобы ответить, осведомился Юра.

– Пошли ко мне. Тачку в гараж – и вперед. Нужно кое-что обсудить.

– Согласен. Только предлагаю поехать ко мне, я живу один.

Подумав, Алекс согласился. В гараже они мельком оглядели повреждения. Разбита левая фара, бампер и немного помято крыло. Ничего, дело поправимое.

Пока они шли к магазину, Алекс рассказал, чем закончилась его встреча с бомжем в электричке. Сухим, деловым тоном он поведал, что на следующий день он с ребятами пошли кого-то провожать на вокзал, где и увидели того самого псевдокалеку с двумя такими же отбросами. Он стоял на своих двоих, костыли валялись в стороне, они на сегодня выполнили свою задачу.

Они пили какую-то мерзость из мутных бутылок, закусывая прогорклыми пирожками. Сейчас Алекс уже не помнит, кому из них пришла в голову идея разделаться с клошарами, но одно он помнил совершенно отчетливо – как он скидывает «хромого» попрошайку на рельсы. Выжил ли тот или был раздавлен поездом – он не знает, так как выпили в тот день слишком много...

Потом они взяли бутылку водки, кое-какой закуски и отправились к Юрию. Вообще-то Гюрза не особенно увлекался спиртным, но этот случай был исключительным, и он требовал исключительной реакции. Всю ночь они просидели на кухне в потемках, что-то горячо обсуждая, и легли спать только под утро.

Потом появился Андрей, то бишь Жуля. Туповатый, малообразованный (ему огромного труда стоило окончить девять классов), он умел в этой жизни только одно – махать кулаками. В свое время он занимался боксом, потом бросил, но тренировки не прошли для него даром. Его все называли Жулей, хотя никто не мог пояснить, в связи с чем эта кличка закрепилась за ним. Впрочем, он не обижался на нее. Когда-то в детстве Жуля с родителями жил по соседству с Юрой, однако вскоре грянула перестройка, и дела у Тягушевых пошли в гору. С семьей Жули вышло все наоборот – отец быстро спился и загремел в зону за разбойное нападение, а мать надрывалась на трех работах, безуспешно пытаясь поставить на ноги непутевого сына. Тут незаметно подкрался очередной призыв, и Жулю забрали в армию. За два года службы то микроскопическое количество серого вещества, называемое у других людей мозгами, вылетело из головы Жули с оглушительным хлопком, как пробка шампанского, и домой он вернулся если не полным идиотом, то, во всяком случае, близким к этому. Что, однако, не помешало ему присоединиться к Гюрзе и Алексу. Их стало трое.

Вскоре на горизонте замаячила Нелли. Алекс подцепил ее на какой-то «корпоративной вечеринке». Они быстренько переспали, любовь-морковь-и-все-дела, тра-ля-ля-хочу-вафля. Гюрза не знал о ее прошлом, но как-то Алекс, будучи подшофе, проболтался, что она сидела на героине, а также успела побывать в «желтом домике» с мягкими стенами, в котором можно тихо играть в солдатики, да и то, если санитары разрешат, в общем, о жизни в Кашенко она знает не понаслышке. В данный момент она работала в какой-то парфюмерной фирме консультантом.

На вполне резонный вопрос Гюрзы, за каким хреном ему сдалась такая подруга, Алекс ответил, что та неотразима в постели и очень надежный товарищ. Несмотря на его уверения, Гюрза долго не соглашался брать ее на акции, но Алекс настоял на своем.

Мика (Михаил то есть) примкнул к ним совершенно случайно. Гюрза познакомился с ним на форуме расистов в Интернете, потом они встретились. Мика из бывших скинов, успевший отсидеть два года за жестокое избиение негра в метро. Наши правоохранительные органы с большой неохотой возбуждают дела по мотивам расовой дискриминации, не желая портить себе этими показателями статистику, и Мике в этом тоже повезло. Его привлекли по хулиганке, со спокойной душой отправив на зону в Курскую область. Убежденный расист, умеющий аргументировано отстаивать свое мнение и боготворивший идеи Гитлера, он вышел из тюрьмы совершенно иным. Нет, ненависть к людям с другим цветом кожи не исчезла. Она трансформировалась в нечто более опасное и страшное. Он легко влился в их группу, и лишь спустя некоторое время Гюрза понял: Мике абсолютно по барабану, в отношении кого проводить акции – будь то перед ним бомжи или евреи с чурками. Собственно, мотивировка его решения присоединиться к ним и участвовать в акциях не особенно волновала Гюрзу, поскольку Мика устраивал его по двум причинам: а) он умел драться, б) он никогда не задавал лишних вопросов. Время высоких идей прошло, а эти два фактора были вполне достаточны, чтобы он стал одним из них.

... – Тягушев, ты что, спишь, что ли? – Голос Ивы вырвал юношу из воспоминаний. – Смотри, сейчас врежешься!..

Задумавшись, Юра чуть не выехал на встречную полосу, но после окрика Ивы ловко вернулся на свою.

Сделав кое-какие покупки в магазине, они поднялись в квартиру Юры.

– Кляксич! – крикнул юноша, снимая с Ивы куртку. – Выходи, подлый трус.

Предложив Иве тапки, он отправился на кухню. Кляксич не заставил себя долго ждать и тотчас вышел из комнаты. Вид у него был, можно сказать, довольный, однако, увидев в коридоре Иву, он замер, обвив хвостом передние лапы. Девушка присела на корточки. Кот внимательно смотрел на незнакомого человека, ни одна шерстинка не дрогнула на нем.

– Кис-кис! Как там тебя... Кляксич, – позвала животное Ива. «Что за дебильное имя для кота», – подумала она. – Кис-кис-кис! Кляксич-Ваксыч!

Кот не шелохнулся, только глаза настороженно изучали ее. Девушке стало немного не по себе от этих огромных ярко-оранжевых глаз, они были похожи на две сверкающие линзы, наполненные расплавленным янтарем. Ей неожиданно пришло в голову, что иногда точно такое же выражение бывает у Юры – внешне спокойное и ничем не выделяющееся, за которым изредка мелькают опасные огоньки.

Юра чем-то гремел на кухне, и Кляксич бесшумно шмыгнул к хозяину. Вскоре юноша вышел из кухни, вытирая руки полотенцем. Кот пристроился у него в ногах, невозмутимо разглядывая гостью.

– Я в душ, – объявил Юра. – Посиди пока, не скучай.

Пока он мылся, кот неподвижно сидел у самых дверей душевой, как дисциплинированный часовой, игнорируя бесплодные попытки Ивы поиграть с ним.

– Почему он меня боится? – спросила Ива, когда они расположились на уютном мягком диване перед огромным плазменным телевизором. Кот уселся на плюшевый пуфик и с интересом уставился в экран.

– Он не боится. Просто Кляксич тебя не знает, – ответил Юра, открывая бутылку «Мартины». – А раз не знает, то и оснований доверять тебе у него нет.

– Нет оснований доверять? – удивилась Ива. – Господи, Юра, какое доверие, это всего лишь кошка!

– Кот, – поправил Юра, но девушка сделала беспечный жест красивой кистью, показывая, что для нее пол этого животного не имеет никакого значения.

Некоторое время они молчали, поглощая креветки и между делом следя за происходящим на экране. Юра стал переключать каналы.

«...как порочащее честь и достоинство человека, – с важным видом вещал пузатый мужик в очках с жидким хохолком волос на лысой макушке. Внизу была сноска: „Евгений Бардин, член организации «Врачи без границ“.² – Перекочевавшее из милицейских протоколов в средства массовой информации, а затем и в современный разговорный язык определение «лицо без определенного места жительства», или «БОМЖ», превратилось в клеймо для изгоев, пугало для обывателей и является оправданием бездействия власти и зачастую применения «полицейских мер»...»

– Может, что-нибудь другое посмотрим? – недовольно спросила Ива, но Юра даже не пошевелился.

«...на сегодняшний день, по данным МВД, в России насчитывается до 4 миллионов бездомных... только в Москве их более 60 тысяч... каждый десятый бомж имеет высшее образование... почти половина (около 45 %) людей, оказавшихся в столице в положении бездомных, не являются лицами без определенного места жительства. Половина из временно бездомных

² Международная неправительственная гуманитарная организация, целью которой является оказание бесплатной медицинской помощи населению в кризисных ситуациях. Основана в 1971 году. В настоящее время представители организации работают более чем в 70 странах.

передвигается по бывшему Советскому Союзу в поисках работы, третью часть из них составляют люди, которые оказались в Москве и их ограбили. Каждый десятый из временно бездомных приехал в Москву для решения каких-то проблем (правовых, медицинских и т. п.).

Около 15 % среди временно бездомных – беженцы. Собственно бездомных в общей массе московских «людей улицы» – приблизительно 55 %, третья часть из них – бывшие заключенные... остальные собственно бездомные – либо продавшие или обменявшие свое жилье (многих обманули), либо оказавшиеся на улице из-за семейных проблем (разведенные, выгнанные родственниками, сбежавшие от пьющих родственников), либо потерявшие ведомственное жилье в связи с сокращением рабочих мест или просто увольнением».

– И долго мы будем смотреть эту гадость? – попробовала возмутиться Ива, но юноша даже не удостоил ее взглядом. Надувшись, девушка принялась за креветки.

«...самостоятельных нищих на улицах практически нет, все они находятся в рабстве у преступных группировок. Каждому нищему жестко определена обязательная норма дневной выручки, за невыполнение которой избивают... Норма разная, в зависимости от типа нищего. Детям от 6 до 12 лет подают больше, а потому им назначается самая большая дневная выручка до 6 тысяч рублей. „Мадонны“, то есть женщины с грудными детьми, должны сдавать в кассу сумму в 4–5 тысяч. Эти женщины редко являются настоящими матерями детей, чаще они получают детей только для работы. В последнее время „мадонн“ теснят „собачники“ – нищие с домашними животными, причем собакам часто подают охотнее, чем людям. Затем по прибыльности идут „ветераны“ – обычные калеки в камуфляже, часто на костылях или в инвалидных колясках. Их потолок – 2–2,5 тысячи рублей. Калек часто покупают в домах престарелых на Украине и в Молдавии примерно за 500 долларов, а в Москве перепродают за 1000. Детей обычно добывают в семьях алкоголиков, причем покупка обходится в 1500–1700 долларов, аренда – 200 долларов в месяц...»

– Юра, переключи, пожалуйста, – нервно проговорила Ива. – Ужас какой-то...

Программу прервали на рекламу, и Юра с неохотой переключился на другой канал, где в реалити-шоу «Дом-2» с остервенением и истерикой выясняли, кто кого трахал и кто на кого не так посмотрел. Ива заметно успокоилась.

– Не романтичный ты человек, Тягушев, – нараспев проговорила она спустя некоторое время. Ива распустила волосы, и принялась накручивать локон на изящный пальчик. – Мы так и будем с тобой телик смотреть, как старые пердуны? На столе только миски с семечками не хватает, а тебе – дырявого пледа на коленях. Да, и мне еще клубок со спицами.

Юра изучающе посмотрел на Иву, затем сказал:

– Ты права. Извини, я что-то сегодня слегка заторможенный.

Он принялся убирать со стола, оставив только вино и два бокала. Видя, что Ива продолжает сидеть на диване, он словно удивился:

– Ты еще здесь? Давай в душ!

– Я принимала душ за три минуты до нашей встречи. Или от меня воняет? – спросила Ива, не двигаясь с места.

– Если бы от тебя воняло, ты бы никогда не переступила порога этой квартиры, лапочка. Марш в душ!

Последняя фраза была произнесена неожиданно холодным голосом, и Ива машинально спустила ноги на пол.

– Полотенце я тебе принесу позже, – уже мягче прибавил Юра.

Когда она вышла из ванной, кровать была уже разобрана, на массивных тумбочках из красного дерева стояли длинные свечи, которые трепетали оранжевыми пятнышками пламени и источали божественный аромат лесных трав.

На Гюрзе было только полотенце, повязанное вокруг бедер. Разглядывая его, Ива не могла не отметить, как привлекательно его тело.

– Располагайся. Я скоро, – улыбнувшись, сказал он.

– Ты куда?

– В душ, – будто удивляясь недогадливости девушки, ответил Юра.

– Ты же был там, сразу, когда мы пришли? – в свою очередь удивилась Ива. Она скользнула под одеяло.

Юра собирался оставить ее вопрос без ответа, но вдруг передумал.

– Знаешь, есть такой анекдот. Молодожены после свадьбы сняли номер в гостинице. В общем, трахаются они, трахаются уже пятый день, мужику уже не вмоготу. На седьмой день он уже ходить не может. А жена, как швейная машина «Зингер», – словно на батарейках! На десятый день, когда из мужа все соки выжаты, он еле-еле сползает на пол и тащится к ванной. Жена на него смотрит и томно так говорит: «Дорогой, ты что, мыться?» А тот оборачивается и истерично орет: «Нет, дура, дрочить!!!»

Ива криво улыбнулась.

– Ну и что? К чему это?

Юноша пожал крепкими плечами:

– Не знаю. Так, вспомнил.

Девушка вздохнула.

– Не знаю, Юра, что меня держит возле тебя, но у меня такое ощущение, что иногда у тебя шарики за ролики закатываются.

Последние слова были произнесены в пустоту, так как он уже вышел из комнаты. Сразу после этого мобильный телефон Юры издал пчелиное жужжание. Ива знала, на телефон пришло SMS-сообщение. Интересно, от кого? Уже десять вечера. Она была любопытной и решила, что ничего страшного не будет, если она взглянет, что это за сообщение.

«85 ал-во».

И все. Странно. Ива обратила внимание, что абонент, от которого пришло это странное сообщение, именовался «Хирургом».

Ерунда какая-то, подумала девушка. Набор цифр, да еще дурацкое «ал-во»... И какой зловещий псевдоним – Хирург...

Она положила телефон обратно на тумбочку, неожиданно поймав на себе взгляд кота. В этот раз он не сторожил Юру у ванной, а лежал на своем любимом пуфике, застыв, словно каменное изваяние. Только глаза жили своей собственной, удивительной жизнью, и сейчас они с явной неприязнью наблюдали за девушкой. В отблесках свечей они показались ей даже злобными.

– Что, расскажешь все своему хозяину? – хихикнула Ива, хотя ей стало немного не по себе. – Какая я противная, непослушная девчонка...

Кляксич зевнул, и Ива перестала улыбаться. Она никогда не видела, чтобы у кошки была такая огромная пасть и уж тем более такие клыки. Почти как у собаки.

В комнату вошел Юра. Сбросив полотенце с бедер, он нырнул под одеяло. Мельком глянул на лежащий телефон на тумбочке и повернул голову к девушке.

– Мне кто-то звонил?

Как можно беззаботней Ива ответила, что нет.

– Почему ты так решил? – спросила она, дотронувшись до его прохладного мускулистого тела.

– Тогда зачем ты его брала? – сухо поинтересовался Юра.

Девушка замялась.

– А откуда ты узнал, что я его брала? Ты видишь сквозь стены? – она попыталась превратить все в шутку, но Юра едва ли улыбнулся. Он стал шелкать клавишами на панели телефона.

– Тебе пришло сообщение, я не удержалась и решила посмотреть, – призналась Ива, следя за юношей. – Так как ты узнал, что я брала мобильник?

– Когда я шел в ванну, телефон лежал по-другому, – наконец отозвался Юра. – Прошу, больше не трогай его, о'кей? Только без обид.

– О'кей, – пожала плечами Ива, решив про себя, что, в общем, ей тоже было бы неприятно, если бы кто-то стал копаться в ее личных вещах, будь то даже Юра.

– Ладно, забудем, – Юра впился губами в ее рот. Его язык мягко и вместе с тем настойчиво проник сквозь ее зубы, словно пробуя на вкус девушку. Ива жарко задышала, по ее красивому телу пошли волны одуряющей истомы, груди тут же превратились в два упругих мячика с твердыми сосками, а низ живота блаженно затрепетал.

Они кончили почти одновременно. Пока Ива приходила в себя, осторожно отпивая из бокала вино, Юра снова отправился в душ.

«Елки зеленые, он в ванную как на работу ходит», – подумала девушка. И хотя она сама была большая чистюля, но, к слову сказать, меньше всего после секса ей хотелось тащиться в душ...

– Юр, – позвала она его, когда они уже погасили свечи.

– Ну?

– А что означает это сообщение?

Юноша недовольно повернулся на бок.

– Если бы я знал. Ошибся кто-то.

– И ты никогда не знал человека, который подписывается «Хирургом»? – не унималась

Ива.

– Нет, – отрезал Юра. – Спи давай.

Ива многозначительно хмыкнула.

6

Акция должна была состояться через два дня, 8 мая. Алтуфьево было выбрано неслучайно – каждый раз акция планировалась таким образом, чтобы у доблестных представителей правопорядка не появлялось ни малейшей зацепки относительно какой-либо системности «чистки». Собственно, Гюрза полагал, что если дела о погибших бомжах и расследуются, то делается это без особого энтузиазма, но подстраховка была нужна в любом случае. Они не имели права на ошибку.

Как правило, акции проводились ежемесячно, районы выбирались по часовой стрелке, начиная с окраин. Места будущих акций тоже подвергались серьезной предварительной проверке – никогда не было случая, чтобы они бесцельно шатались по подворотням и свалкам, подыскивая себе подходящую жертву, как бритоголовые юнцы в футбольных шарфах после бутылки водки, болтаясь от безделья, спонтанно решают «показать этим черножопым». Места определял Алекс, по неписаному правилу их одобрял Гюрза. Непосредственно перед акцией на предполагаемое место он выезжал вместе с Микой, иногда даже один. Но никогда Гюрза не доверял эту часть работы кому-либо другому. Это была самая настоящая рекогносцировка на местности: готовились возможные пути отступления, выяснялись месторасположения ближайших околотов, заранее проговаривались все нюансы поведения в случае их задержания, продумывались алиби и так далее.

Форма одежды у всех была что ни на есть обыкновенная, и издалека их можно было принять за группку студентов, которые решили прогуляться после скучных утомительных лекций. Отличало их только одно – на всех, за исключением Нелли, были тяжелые военные ботинки на толстой подошве. Чтобы они не бросались в глаза, их закрывали штанинами брюк и джинсов. У каждого с собой был легкий рюкзак, в котором был запасной комплект одежды – в нее переодевались сразу после акции. «Боевая» униформа упаковывалась в рюкзак и уничтожалась каждым самостоятельно, даже если на ней не было видимых следов крови и вообще «их» следов. К следующей акции каждый из них приобретал себе новую одежду, как правило, в магазинах-распродажах.

Что касается вооружения, то тут уже было дело каждого. Нелли носила с собой короткий охотничий нож и баллончик «черемухи», Алекс использовал самодельный нож, выкованный из тракторного клапана, с кровостоками и пилой, плюс газовый пистолет, который, правда, он использовал реже, чем нож. «Не те ощущения», – признался он как-то Гюрзе, имея в виду пистолет. Жуля был проще – в рукаве он таскал с собой бейсбольную битку. А что, дешево и сердито. На ней он каждый раз делал зарубки. Для подстраховки была еще опасная бритва, но он еще ни разу не воспользовался ею. Мика никогда не расставался с устрашающего вида кастетом, оснащенным острейшими шипами, и велосипедной цепью, обмотанной несколькими слоями изоленды. В умелых руках эта цепь превращалась в страшное оружие. Гюрза же предпочитал перчатки из дубовой кожи, оббитые стальными шипами. Арсенал этим не ограничивался – на щиколотке у него всегда пристегнут подводный нож, под мышкой – травматический пистолет «Оса». За все время он лишь однажды использовал его – неожиданно в подвале старого дома, куда они нагрянули, появилось еще шесть бездомных, довольно молодых и способных дать сдачи. Ближе всех оказался Гюрза, и драться с ними в открытую он не решился. Двое из бродяг были отброшены пулями к стенке, третьему пуля попала в глаз. Больше никто сунуться не рискнул, и бомжи обратились в бегство.

Они встретились в студенческой столовой МГУ.

– Как твои успехи? – спросил Гюрза Жулю. – Звонил насчет работы?

Тот выглядел хреновато – волосы на голове торчали как у дикобраза, глаза покрасневшие, словно он отчаянно растирал их хлоркой, руки нервно подрагивали. Весь вид говорил о том, что предыдущий вечер (или ночь) Жуля провел весьма бурно и продуктивно, храбро вступив в неравный бой с самим Бахусом и охраняющим его зеленым змием.

– Звонил, – прокряхтел он, почесав под мышкой. – Завтра на собеседование, может, сразу и оформят.

Гюрза прикинул, что если бы Жуля в таком виде заявился устраиваться на работу лично к нему, он бы настоятельно посоветовал ему оформиться в первую очередь в наркологический диспансер, и как можно скорее.

– Завтра последний день перед акцией, – напомнил он Жуле. Гюрза пытливо смотрел на своего друга детства. «Он деградирует на глазах», – подумал юноша, размышляя, насколько надежен Жуля и будет ли от него толк в дальнейших акциях. Ему явно не нравилось увлечение приятеля спиртным, которое в последнее время развивалось в геометрической прогрессии. Да, никто из них не являлся в этом отношении ангелом, но перед акцией на алкоголь было наложено строжайшее табу. Впрочем, до нее оставалось еще два дня, и, может, он зря волнуется...

– Ну и что? – беспечно ответил Жуля, на его опухшей физиономии было крупно написано: «В гробу я видал все ваши акции». Гюрза раздраженно отметил, что в данный момент своей рожей Жуля мало чем отличался от тех, за кем через два дня сам начнет охоту.

– Твое дело, – он решил больше не лезть в чужие дела. Действительно, какого черта? Ему что, больше всех надо? Нашел, чью судьбу устроить. Еще и «стрелочником» в итоге окажется.

Подшли Алекс с Нелли. Они заказали апельсиновый сок и пирожные «эклер». Через минуту после них появился Мика. Как всегда с непроницаемым лицом, он молча поздоровался со всеми, уселся на стуле и сцепил перед собой руки. От внимания Гюрзы не ускользнуло, что костяшки Мики украшали свежие ссадины. Однако спрашивать об их происхождении было не в его правилах – в свою личную жизнь Мика никого не посвящал.

– Ну вот, и все в сборе, – проговорил Алекс. – Начнем, пожалуй.

– А пиво у вас тут в столовке продают? – с надеждой спросил Жуля.

– Нет, не продают. Это тебе, между прочим, университет, а не кабак, – Алекс не скрывал пренебрежения в голосе.

– Что, хреново тебе, Жуленька? – с деланным участием спросила Нелли. Она аккуратно взяла с блюдечка пирожное и, держа его двумя пальчиками, соблазнительно откусила кусочек.

– Да так, – почесал вихры Жуля. – Сок че-то неохота пить... Пива бы.

– Потом тебе будет пиво, – оборвал его Гюрза. – Давайте по делу.

– Дорогие друзья, – невозмутимо начал Алекс, и было неясно, шутит он или в самом деле говорит серьезно. – В последнее время мы достаточно успешно справляемся с возложенными на нас задачами. Тем не менее медицинская практика свидетельствует, что для полного выздоровления лечение необходимо проводить более интенсивно, иногда удваивая и даже утраивая дозы необходимых лекарств. К сожалению, наши пациенты...

– Хватит этого цирка, – неожиданно перебил его торжественную тираду Гюрза. – Всем и так все ясно. Давай конкретно.

В воздухе повисла пауза. Подобное вступление было традицией, и мало кто из них задумывался, насколько оно важно и нужно и нужно ли оно вообще.

Алекс холодно посмотрел на Гюрзу.

– Желаете сам попробовать?

– Не-а, – усмехнулся юноша. – Не вижу никакого смысла в этих глупых прелюдиях.

– Давайте уже быстрее, – взмолился вдруг Жуля. – У меня еще срочные дела.

– Знаю я твои дела, опять попрешься бухать со своими мудаками из подъезда, – сверкнул глазами Алекс, но Гюрза хлопнул ладонью по столу:

– Стоп! Проехали, хватит!

Жуля засопел, недовольно поглядывая на Алекса.

– Еще раз наедешь на моих друзей, получишь в бубен, – пообещал он Алексу.

– Жуля, ты слышал, что я сказал?! – повысил голос Гюрза. На их столик стали обращать внимание.

Такого еще не было. Между ними никогда не возникало никаких ссор, а уж тем более непосредственно перед акцией.

Алекс достал из рюкзака тетрадь. В ней лежала сложенная карта Москвы. Молодые люди склонились над ней.

– Вот, отсюда на север в паре километрах от метро идет промзона. Куча заброшенных гаражей, плюс небольшая свалка. Клиентов масса. Проверено, – чуть хвастливо сказал Алекс. Он пометил указанные места красным маркером.

Гюрза внимательно изучал крестики на карте.

– С ментами что? – спросил он.

– Рядом лес, если что – запарятся искать. Вот, смотри, – показал Алекс на карте. – Кроме того, ментовка отсюда далеко, а патрульным машинам там неудобно ездить – дороги все разбитые. Так что все должно пройти чики-пуки... Думаю, в 19.00 и встретимся. Никто не возражает? – он обвел присутствующих взглядом.

– Предлагаю в 20.00, – сказал Гюрза. – А еще лучше в 21.30, многие из них еще околачиваются на улицах, у них свой трудовой распорядок.

Несколько секунд Алекс смотрел на Гюрзу, затем сказал:

– Что ж, пусть будет восемь вечера.

– Я приеду на частнике. Кто со мной? – продолжал Гюрза.

– Можем мы с Алексом, – подала голос Нелли. Она доела пирожное и вытирала пальчики салфеткой.

– Нет. Кто-то один, – тоном, не терпящим возражений, сказал Гюрза. Алекс снова бросил на него оценивающий взгляд.

– Тогда берите Жулю, мы приедем сами, – легко согласилась девушка, накрыв ладошкой руку Алекса. Она видела, что он собирался что-то сказать, и это «что-то» сто процентно было бы нелицеприятно для Гюрзы, но решила разрядить обстановку. Жуля, казалось, вообще не понял, что речь идет о нем. Откинувшись на стуле, он тупо смотрел в окно, изредка кряхтя по-стариковски.

– Ничего не забывать, форма одежды парадная, – решил своим долгом напомнить Алекс.

– Хорошо. Тогда в 20.00 на выходе из первого вагона. Мика? Скатаешься со мной сейчас туда? Я на колесах, – обратился Гюрза к Мике. Тот еле заметно кивнул, храня полное безмолвие. За все время он не произнес ни слова.

– Вечером я всем позвоню. Завтра – отдыхать. – Гюрза закрыл тетрадь и подвинул ее Алексу.

Заскрипели отодвигаемые стулья.

– «Завтра отдыхать»... Нашелся добродетель, отец родной. Того и гляди, жопа треснет от такой заботы, – с неприкрытой злостью бросил вслед уходящему Гюрзе Алекс.

– Забудь. Не все ли тебе равно? – сказала Нелли. – Пусть считает себя командиром, если это его так прет.

– Ну-ну, – хмуро произнес Алекс.

7

Ростислав проснулся в четыре утра. Не от похмелья, хотя его голова трещала по черепным швам и глаза распухли, превратившись в две тонюсенькие щелки, а глотка была похожа на пустыню Гоби. Ему приснился какой-то кошмар, будто он летит в самолете и видит, как один за другим начинают лопаться иллюминаторы, осыпая пассажиров жалеющими осколками, а в прорвавшиеся дыры фонтанами хлынула кровь. Кто-то визжал, кто-то хохотал в безумии, а он только чувствовал, что не может пошевелить ни рукой, ни ногой, словно они приклеены, отчего становилось еще ужаснее.

Голова болела настолько, что, казалось, мозг вскипел и лезет наружу, грозя снести черепную коробу. Рост скатился с кровати, стукнувшись лбом о комод, и, отдышавшись, поплелся на кухню, где долго и жадно пил из-под крана. Заметного облегчения, однако, сие действие не принесло – через пару минут жажда снова дала о себе знать, и он пил снова и снова, пока живот его не раздулся, а вода уже выплескивалась из рта. Чертыхаясь, он вернулся в комнату и со стоном повалился на кровать. Спать уже не хотелось, и он включил телевизор. Головная боль немного стихла.

Мельком просматривая каналы, Рост почувствовал легкое замешательство. Он пытался вспомнить события вчерашнего вечера, но память наотрез отказывалась ему помочь, и это пугало молодого человека. Он только помнил, что снова был в зале игровых автоматов, потом подошел Лелик... Они пили пиво, затем водку, Рост несколько раз выиграл... Потом, кажется, пошли в казино, и он с кем-то сел играть в карты... Дальше темнота. Интересно, как он умудрился попасть домой? Не иначе, Лелик его довез...

«Хорошо бы узнать, в выигрыше я остался или просрал все на свете?» – размышлял он. Проверить это можно было только одним способом – вывернуть карманы. Они были пусты. В одном из них он обнаружил визитную карточку. «Квадратов Геннадий Валерьевич. Генеральный директор региональной правозащитной организации „Рубинекс“... Откуда она у него?

Квадратов... Мысли носились аллюром, перед глазами почему-то возник образ черного квадрата Малевича. Квадрат, квадрат... В мозгу шевельнулось что-то знакомое, словно он знает, о чем идет речь. Рост предпринял еще одну попытку вспомнить, но безрезультатно. Хорошо бы позвонить Лелику, да рано еще. Немного повалявшись в кровати, Рост решил принять холодный душ.

В начале девятого он все-таки не выдержал – тревожное чувство становилось невыносимым – и набрал номер телефона своего старого друга Алексея, которого по привычке он продолжал называть Леликом.

– Это я, здорово, – сказал он, услышав знакомый голос.

– Здорово, здорово, – хрипловато ответил на приветствие Лелик, однако что-то в его интонациях заставило Роста насторожиться.

– Лелик, вчера... Все было нормально? – спросил он.

– Смотря что считать нормальным, – послышался голос в трубке. – Если не считать, что ты пропердел в долг семьдесят косых Квадрату, то, можно сказать, все нормально. Ты что, ничего не помнишь?

– Постой-постой! – Рост сглотнул слюну, горло снова пересохло. – Я тебя плохо слышу, Лелик! Я что, кому-то остался должен?!

– Остался должен? Рост, вынь тапки из ушей! Семьдесят штук, ты понимаешь? СЕМЬДЕСЯТ!!! Я же говорил тебе: не садись за стол к Квадрату!

– Что еще за квадрат? – тупо переспросил Рост. Он чувствовал, как предательски задрожали руки. Ему захотелось сесть, и он упал на колченогий стул. – Какой квадрат, братуха?

– Малевича, твою мать! – закричал на том конце провода Лелик, злясь на непонятливость Роста. – Ты что, дурачка решил включить? С ним такое не прокатит. Ты понимаешь, во что влип? Рост!

Услышав слово «Малевича», Рост с трудом сдержал истеричный смешок. Так вот почему у него были такие странные ассоциации.

– Лелик, это шутка? – как можно спокойнее спросил он. Конечно, это шутка. Как он мог проиграть семьдесят тысяч? Да он и в карты-то играть особенно не умеет! Нет, как бы он ни набрался, играть в долг на такую сумму он бы никогда не стал. Это же почти две с половиной штуки баксов! Стопудово, сейчас Лелик рассмеется и скажет: «Ну ты и повелся, братуха, меньше пить нужно...»

Лелик действительно рассмеялся, но это был недобрый смех.

– Нет, Рост. Ты влетел на семьдесят штук, и мне тебя искренне жаль. Не знаю, что ты собираешься делать дальше. Слышишь меня?

– Да, – помертвевшим голосом проговорил Рост, сжимая трубку в руках. Она стала мокрой от пота.

– Он не звонил тебе еще?

– Нет.

– Я через час приеду к тебе. Никуда не уходи, ты понял?

– Да, – устало ответил Рост. Он положил трубку, попав на рычажки только с третьего раза, и невидящим взглядом уставился в стену.

Пока Лелик, друг Ростислава, собирается и едет к своему другу, введем уважаемого читателя в курс дела, для чего вернемся немного назад.

Ростислав Тихонов, двадцати девяти лет, родился на Украине. Отца у него не было, точнее, Рост ничего о нем не знал, а мать не рассказывала. У него была заурядная внешность, ничем не примечательная, но, вопреки этому, представители прекрасного пола не обделяли его своим вниманием, возможно, из-за открытой искренней улыбки и пронизательных изумрудных глаз. Кроме того, Рост имел спортивную фигуру, чему способствовали долгие тренировки и служба в ВДВ. Правда, в детстве у него были оттопыренные уши, которые с трудом скрывали даже волосы, за что его наградили кличкой «Гурвинек». Рост не особенно обижался – Гурвинек так Гурвинек. Со временем уши стали нормальные, но некоторые знакомые по привычке продолжали называть его Гурвинеком.

В школе он мало интересовался учебой, уделяя больше внимания физической подготовке. Отслужив в армии, Рост продлил контракт. Он был на хорошем счету у руководства, служба не была ему в тягость, наоборот, он будто бы испытывал острый кайф от всех лишений и прочих солдафонских заморочек, от которых любой нормальный парень, по идее, должен был бежать без оглядки. Тут грянула вторая «чеченская», и Рост уехал в Грозный, нисколько не сомневаясь в правильности выбора. Там-то Рост и встретил Лелика. Вообще-то, они держались втроем – позже к ним присоединился Руслан из Владимирской области. Волею судьбы, за четыре дня до вывода войск его смертельно ранило осколком, и он умер буквально на руках Роста.

Домой он вернулся, когда было официально объявлено о выводе войск из Чечни. Несмотря на разлуку с Леликом, они продолжали переписываться, а Рост все собирался приехать в гости. Спустя какое-то время он понял, что ему становится откровенно скучно.

В серый октябрьский день он приехал в Москву. Связался с Леликом и первую ночь провел у него. Выпили водки, вспоминали Руслана и других погибших ребят, спать легли под утро.

Москва ошеломила его, он слово окупился в исполинский водоворот. Росту никогда не доводилось видеть такого огромного скопления людей, куда-то спешащих, озабоченных сво-

ими делами. В этой суете он чувствовал себя совершенно беспомощным, как щенок, которого внезапно забрали от матери. Лелик помог устроиться ему к себе в ЧОП – там он работал заместителем начальника по персоналу. Служба была не то чтоб уж совсем сложная, но Рост ждал от жизни другого. Через пару месяцев он затосковал. Нет, платили нормально, он регулярно отсылал некоторые суммы матери с сестренкой, но не видел никаких перспектив перед собой.

А потом началось «это»... Сперва было все невинно – они с Леликом зашли после полочки в кафе выпить пива и немного поиграли в игровые автоматы. Неожиданно Рост открыл для себя, что это занятие достаточно захватывающее, учитывая, что он никогда не считал себя азартным человеком. Рост чаще проигрывал, чем выигрывал. Через какое-то время он поймал себя на мысли, что ненасытный железный ящик сожрал почти половину его зарплаты. Лелику везло больше, но в итоге он тоже остался в проигрыше.

«Тут главное – вовремя остановиться», – втолковывал ему Лелик после этого. Расстроенный Рост и сам знал такие прописные истины, но никак не мог понять, как это могло произойти именно с ним. Он всегда считал себя выше всяких азартных игр, не говоря уж о том, что был способен вовремя сказать себе твердое «нет!».

С тех пор понеслось. Теперь каждый раз после того, как у него в руках оказывались какие-то деньги, ноги сами собой несли его в эти проклятые залы. Разум подсказывал ему, что его действия не совсем правильные, даже совсем неправильные, но эти попытки воззвать к совести были настолько робкими, что тонули на корню в сладостном чувстве предвкушения игры.

Он почти перестал высылать деньги матери. Каждый раз, после очередного проигрыша, он рвал на себе волосы, проклиная свою слабохарактерность и давая зарок впредь даже не смотреть в сторону этих злополучных подмигивающих домиков. Но наступал день зарплаты, обещания казались нелепыми и неактуальными, а в мозгу успокаивающе всплывало: «Ну, это уж точно в последний разик, Рост. К тому же, если ты выиграешь, то сразу отправишь деньги маме...» Но чудес не бывает, это мифическое «если» никогда не наступало, он спускал уже не половину полочки, а сразу всю, и уходил из зала под утро, злой, с красными воспаленными глазами и затуманенной никотином головой. Рост стал потихоньку влезать в долги. Сначала он занимал у Лелика, но тот быстро смекнул, что у его армейского друга не осталось никаких тормозов, и перестал давать денег. На работе к просьбе Роста о выдаче аванса тоже отнеслись с подозрением.

Справедливости ради следует сказать, что несколько раз Росту везло и он даже выигрывал крупные суммы. Казалось бы, вот она, фортуна, наконец убрала свою огромную задницу и повернула к нему свое симпатичное личико. Бери бабки и сваливай, как говорится, ан нет! И в этом вся сволочная сущность привыкания к игре, сродни наркотической зависимости, и неизвестно, от чего еще проще избавиться...

Рост никогда не забудет, как однажды он выиграл полторы тысячи долларов. Как назло, неподалеку находилось казино «Золотой Фазан» (Рост про себя называл его «Баклан»), и они с Леликом, словно загипнотизированные, направились напрямик туда. Результат был предreshен. Хорошо, Лелик отговорил Роста не закладывать золотую цепочку с крестиком, который повесила ему на шею мать перед армией.

Начались неприятности на работе. После нескольких опозданий Рост был поставлен в известность, что в случае еще одного нарушения он вылетит отсюда пробкой.

Вскоре он снова опоздал на дежурство, и его уволили без всяких объяснений. Получив небольшую сумму денег за фактически отработанное время, Рост даже не сразу сообразил, что остался без работы. Деньги были тут же проиграны. Вечером к нему приехал Лелик, и у них состоялся серьезный разговор, чуть не закончившийся дракой. (Пикантность ситуации заключалась в том, что Рост проживал в однушке, которая принадлежала родителям Лелика. Отец Лелика работал в МИДе и часто разъезжал по командировкам, везде таская с собой супругу, то

есть мать Лелика, – уж так полагалось должностным лицам его ранга. Сам Лелик жил в двушке на «Войковской».)

Так и не подравшись, армейские друзья купили водки и поехали ночевать к Лелику. В то время он уже поселил у себя миловидную брюнетку Веру, с которой намеревался сочетаться законным браком, как только соберет нужную сумму на свадьбу. Тем не менее присутствие будущей невесты не помешало друзьям спокойно посидеть на кухне и обсудить важные вопросы.

Собственно, обсуждение проблемы заняло всего несколько минут. Рост извинился перед другом, Лелик, разумеется, простил. В свою очередь поинтересовался, что Рост собирается делать дальше. Пожав плечами, тот ответил, что попробует поискать другую работу. Если ничего не выйдет – вернется домой, на Украину. На том и порешили.

Но что же случилось вчера? Рост не находил себе места от беспокойства в ожидании Лелика. Он уже окончательно пришел в себя, головная боль поутихла, но ей на смену пришла боль душевная. Рост ненавидел себя. Он, который прошел Чечню, не смог устоять здесь, перед соблазном спустить все деньги, да еще умудрился влезть в такие долги! Черт бы побрал его самого!

Он сварил себе крепкий кофе. По мере того как голова обретала ясность, события вчерашнего дня, до этого нестройным хоромом кружившие в сознании, стали постепенно выравниваться в определенной последовательности, как взвод солдат на построении. Теперь он вспомнил, что, выиграв в «Джек-поте», они с Леликом, уже хорошо набравшиеся, отправились в этот растреклятый «Баклан». Там они снова играли, Росту вроде бы даже везло, и они пили уже виски, потом подсели за какой-то столик... Потом снова темень. Рост стукнул кулаком по столу, пролив кофе на скатерть. Он не сомневался, что если с кем-то и играл, то уж точно не по своей воле. Теперь он был уверен, что в выпивку что-то подмешали.

Послышался скрежет в замочной скважине. Лелик, наконец-то!

– Ну что, он уже звонил? – вместо приветствия спросил Лелик, скидывая кроссовки.

Рост помотал головой.

– Рассказывай, – разлепил губы он.

И Лелик рассказал. И чем дальше он витийствовал, тем страшнее становилось Росту.

– В казино у тебя было около двухсот грин. Мы прошли по разу, ты выиграл еще сто. Потом подкатила «шестерка» Квадрата, позвала нас угостить, – говорил Лелик. – У меня еще тогда что-то защемило, мол, пора завязывать, нехорошая это маза – сидеть за одним столом с Квадратом.

– Ты знал его раньше? – глядя в глаза другу, спросил Рост, и Лелик кивнул.

– Знал, правда, не лично, а по слухам – наши ребята на работе базарили. И ничего хорошего о нем сказать нельзя. Вроде раньше сидел, и даже был коронован, потом вдруг занялся бизнесом, держит пару казино в Москве.

– «Баклан» тоже его заведение?

– Как раз нет, просто он любит тут бывать. Кроме того, есть информация, что с этого казино он имеет прибыль. Помнишь, ты продудел там полторы косых? Так вот, Квадрат тоже был там. И он еще тогда обратил на тебя внимание, я это сразу понял, но решил лишний раз не пугать тебя.

– У меня его визитка. Какой-то гендиректор... – Рост полез за карточкой, обнаруженной утром в кармане, но Лелик остановил его:

– Все это фуфло. Он бандюган, а эта контора – обычная крыша. Ты что, совсем ничего не помнишь? – Он пристально посмотрел на Роста, но тот выдержал его взгляд.

– Ни хера, Лелик. НИ ХЕРА. По ходу, мне в пиво какую-то шнягу подсыпали.

– Что ж, может, и так, – рассудительно сказал Лелик. – И, скорее всего, не только в пиво, ты еще виски жрал – будь здоров, боярин! Рост, я не знаю, что на тебя нашло, но я ничего не мог поделаться! Тебя словно подменили, ты и слышать ничего не хотел, даже когда просрал двадцать штук. А когда я взял тебя за руку, ко мне подкатили ухари Квадрата, я думал, они меня прямо там, под столом, и кончат.

– Что было дальше? – безнадежно спросил Рост.

– Ты написал расписку.

Брови Роста выгнулись дугой.

– Что, в натуре?

Лелик только кивнул.

– Да-а... – протянул Рост. – А на какой срок, ты-то хоть знаешь?

– Вот этого не знаю. По-моему, на неделю.

– На неделю? – вскричал Рост. – Две с лишним штуки баксов вернуть за неделю?

Лелик посмотрел на друга как на умалишенного.

– Вот дерьмо! – выругался Рост.

– Рост, не две с лишним, а семьдесят, – тихий голос Лелика прозвучал как приговор. – До тебя что, не дошло?

Росту показалось, что его треснули по затылку поленом. Уж не ослышался ли он?

– Я думал, ты понял, о чем речь, – вздохнул Лелик. – Две с половиной – куда ни шло, может, я бы сам тебе где-нибудь надыбал, но семьдесят... Извини.

Семьдесят тысяч долларов! У Роста потемнело в глазах. Он даже представить себе не мог такую кучу деньжищ, не то что держать их в руках. Ему начинало казаться, что все это продолжение кошмарного сна.

– Лелик, все пропало, – удрученно пробормотал Рост. – Какие будут мысли?

Лелик молча барабанил пальцами по столу, затем поднял на друга глаза.

– Не знаю, – честно признался он. – Чувствую себя последним гондоном, что не смог ничего изменить, но мои извинения проблему не решат, так?

– Оставь, за мои косяки не надо впрягаться, – остановил его Рост. Он напряженно думал. – Лелик, а если я просто свинчу отсюда? Насколько у него длинные грабли?

– Если бы я знал, – развел руками Лелик. – В этой ситуации я не могу тебе вообще чего-либо советовать, чтобы потом ты меня не клял всю жизнь. Я с ним на брудершафт не пил, возможностей не знаю, но...

– Что «но»? – резко спросил Рост.

– Гнилой он человек, братуха. И подлый, как я понял. Такие пойдут на все, лишь бы в наваре остаться, – Лелик говорил, не глядя на друга, словно стыдился своих слов.

– А если я просто пошлю его на х...?

– Тогда твои части тела найдут через пару месяцев на стройке или в каком-нибудь подвале. А я пойду паровозом, – поймав недоуменный взгляд Роста, Лелик невесело усмехнулся:

– Да-да, ведь Квадрат меня тоже срисовал, пока ты с ним пасьянсы раскладывал. Теперь каждый твой шаг должен быть согласован с ним. Так что я по любому раскладу с тобой в одной упряжке, и за твои фортели Квадрат будет спрашивать с меня. А если ты исчезнешь, исчезну и я. В прямом смысле слова, – последнюю фразу Лелик произнес совсем тихо.

– Бред какой-то, – сказал Рост. Он встал из-за стола и стал нервно расхаживать по кухне. – А если у меня просто нет таких бабок, он что, все равно завалит меня? Или возьмет в рабство?

– Рост, ты что, ребенок? Вроде от сиськи уже давно отлип. Не хер было играть, если знаешь, что расплачиваться нечем.

– Да не помню я ничего, ты понимаешь?! – взорвался Рост. Он сжимал и разжимал кулаки, будто уже душил этого ненавистного Квадрата, с которым он был всего лишь заочно знаком. – Неужели я бы по своей воле стал просирать в долг такие бабки?

– Рост, успокойся, – устало сказал Лелик. Он пригладил волосы. – Мы сейчас базарим по-пустому. Надо дождаться его звонка, а там – по обстоятельствам.

Пока Рост собирался с мыслями, на кухне затренькал телефон.

– Да, – сипло проговорил Рост. – Тебя, – выдохнул он с облегчением, протягивая трубку Лелику.

Это оказалась Вера, и несколько минут Лелик на повышенных тонах говорил с ней.

– Все ей объясни, отчего да почему, – проворчал он, кладя трубку на место. Тут же раздался новый звонок. Трубку снова взял Рост, при этом Лелик отметил, как дрожит рука его друга. Он следил за выражением лица Роста, но оно не менялось, разве что немного побледнело. Через минуту, так ничего не ответив, он положил трубку.

– Ну? – дрожа от нетерпения, спросил Лелик. – Это он?

– Произведение Малевича собственной персоной. Все как по расписанию, – через силу улыбнулся Рост, но улыбка вышла кривой. – Надо ехать.

– Я с тобой, – поднялся Лелик, но Рост его остановил.

– Я и так тебе кучу геморроев доставил, братуха. Прости. Лучше дождись меня здесь, – он посмотрел на Лелика. – Очень хочется вернуться живым.

– Ты это брось. У тебя случайно выпить нет? – неожиданно спросил Лелик.

– Посмотри в холодильнике, там, по-моему, должна остаться водка.

Пока Лелик обследовал холодильник, Рост незаметно вышел.

8

Встреча была назначена в уютном баре на Петровке, прямо рядом с МУРОм. На входе его встретила официантка, миловидная рыжеволосая девушка. Приветливо улыбнувшись, она оставила Росту меню. Впрочем, исходя из толщины его кошелька, выбирать ему особенно было нечего, и он заказал кофе. Играла спокойная музыка, в огромном аквариуме полуовальной формы неторопливо сновали разнокалиберные рыбки всех оттенков радуги. Рост немного расслабился. Увлечшись плавающими созданиями, он на некоторое время забыл о цели своей встречи и вздрогнул, когда к нему обратились по имени.

– Ростислав? – повторил мягкий голос, и Рост поднял голову. Голос принадлежал неказистому, неряшливо одетому мужичку неопределенного возраста в огромных совдеповских очках с вытянутым черепом и глубокими залысинами. Он стоял, сильно сутулясь, отчего был похож на гротескный знак вопроса. На нем болтался помятый костюм, явно великоватый, словно хозяин брал его на вырост, но в силу каких-то причин расти перестал, а костюм продолжал носить по привычке.

«Пугало огородное». Это было первое, что пришло в голову Росту, когда он увидел странного мужчину.

– Геннадий Валерьевич, – церемонно поклонился Квадрат, словно отвечая на немой вопрос Росту. Руки он протягивать не стал, да Рост и сам вряд ли бы стал ее пожимать. Квадрат сел напротив него. Сзади неожиданно возникли две рослые фигуры, но Квадрат, не оборачиваясь, сделал едва заметный жест кистью, и фигуры молча уселись за соседний столик, не переставая наблюдать за Ростом. Так приглядывает кошка за полудохлой мышью, с которой ей уже наскучило играть.

– Ну-с, юноша, – начал Квадрат, снимая очки. Глаза у него были маленькие и какого-то тусклого цвета. – Полагаю, второй раз знакомиться нам не имеет смысла – вы же помните меня? – Его крысиные глазки буравчиками впились в Росту.

Рост растеряно кашлянул. Пока Квадрат насвистывал какой-то мотивчик, шмыгая узким носом, он искоса разглядывая его и не верил своим глазам. Неужели это и есть жестокий всемогущий Квадрат, который, по словам Лелика, отрезает конечности своим должникам, имеет несколько казино? Да еще и вор в законе? По мнению Росту, он больше смахивал на рассеянного учителя-ботаника в сельской школе, который витает в облаках в окружении своих бабочек, путает ботинки и живет на одну зарплату. Одни очки чего стоят, как у черепахи Тортилы... Врезать бы ему по башке, чтобы позвоночник в трусы провалился, и уйти спокойно домой. Возможно, Рост так бы и поступил, не будь двух мрачных мордovorотов за соседним столом.

К столику неслышно подошла официантка.

– Минералку, как всегда, – не удостоив ее взглядом, отрывисто сказал Квадрат. Перехватив взгляд Росту, рыжеволосая девушка выдавила робкую улыбку и упорхнула.

«Похоже, он здесь не впервые», – решил про себя Рост.

– Что вам нужно? – слова давались ему с усилием.

– Ростислав, не пугайтесь, все нормально, – заморгал Квадрат. Вид у него был извиняющийся, будто это Рост сейчас начнет выколачивать из него деньги. Он достал из нагрудного кармана допотопный носовой платок в крупную клетку и принялся ожесточенно протирать им стекла очков. – Да-да, такие дела... Ну, для начала расскажите о себе.

– Что конкретно?

– Все, – широко улыбнулся Квадрат, и от внимания Росту не ускользнуло, что у этого «сельского учителя» зубы дадут фору многим голливудским актерам – все как на подбор ровные и белые, и это выглядело неестественно на фоне неуклюжих очков и мятого костюма. –

Все, – повторил он, по-отечески хлопнув Роста по плечу. Юноше показалось, что его погладил стервятник, и он внутренне передернулся от отвращения.

Едва сдерживая выплескивающуюся наружу неприязнь, он как можно короче рассказал о себе.

– Вы не очень-то многословны, – отметил Квадрат, когда Рост закончил. – Вчера вы были куда разговорчивее. Например, вы не упомянули о своей службе в Чеченской республике.

– Разве это имеет какое-то значение в нашей ситуации? – спросил Рост.

– Как знать, как знать, – с печалью в голосе отвечал Квадрат, будто Рост причинял ему несравненную боль своей идиотской несговорчивостью. – Весьма трудно предугадать, что и когда может иметь значение, а в нашем случае – в особенности.

Официантка принесла запотевшую бутылку «Боржоми» и высокий бокал. Натянуто улыбнувшись, замерла в ожидании, напоминая дрессированную собачку.

– Брысь, – приказал Квадрат негромко, и девушка моментально испарилась.

– Что вы мне подсыпали? Я имею в виду, когда мы играли, – неожиданно брякнул Рост. Боковым зрением он увидел, как напряглись те двое.

– Бог мой, о чем вы? – картинно всплеснул руками Квадрат. Закончив протирать очки, он долго рассматривал стекла, словно все еще сомневаясь в их чистоте. – Никогда бы не стал опускаться до такого уровня, уж поверьте. Да-да, такие дела, молодой человек.

Рост заскрипел зубами. Глядя на дорожки от стекающих струек по поверхности бутылки с минералкой, ему начинало казаться, что он сходит с ума. Сидит тут в кафе (кстати, только сейчас он обратил внимание, что кроме них больше никого нет, очевидно, сразу после появления Квадрата на дверях бара появилась табличка «Извините, закрыто») с этим чокнутым ботаником в нелепом костюме и отвечает на его вопросы. Да кто он такой, мать его?

– Короче, что вам нужно? – спросил напрямую Рост.

Квадрат залился тонким визгливым смехом. Вдоволь нахихикавшись, он откинулся на стуле и впервые посмотрел на Роста острым внимательным взглядом. Он полез в папку, искусно отделанную кожаными вставками, и с осторожностью выудил оттуда исписанный лист бумаги.

– Мне нужно от вас выполнение ваших обязательств, – уже не улыбаясь, сказал он. – Узнаете свой почерк, Ростислав? – прищурившись, он протянул лист Росту. Тот мельком пробежал по строчкам, чувствуя, как внутри у него разливается ледяное озеро. Расписка о возврате долга. Несомненно, это его почерк. И подпись тоже его.

– Если подлинность сего документа вызывает у вас подозрение, я дам вам посмотреть видеозапись нашей игры, Ростислав. Мы ведь порядочные люди, и везде нужно следовать определенным правилам, не так ли? Да-да, такие дела...

«Если он еще раз скажет „такие дела“, я дам ему бутылкой по лбу», – начиная кипятиться, подумал Рост.

В этот момент один из верзил поднялся со своего места и, подойдя к их столику, положил перед Ростом небольшой прямоугольный пакет, заклеенный скотчем. Рост автоматически подвинул его к себе.

– Почерк я узнал, но это копия, – возразил он, осознавая, что всего лишь пытается потянуть время.

Квадрат снисходительно кивнул, показывая, что он восхищен пронизательностью своего собеседника.

– Вы чрезвычайно наблюдательны, Ростислав. Это действительно копия, как вы верно заметили. Дело в том, что оригиналы подобных документов я имею обыкновение хранить в надежных местах, так, во избежание различных недоразумений. Не поймите меня превратно, я полностью вам доверяю, но поставьте себя на мое место – вы протягиваете мне оригинал расписки, а я, пардон за мой французский, нехороший человек, редиска (хе-хе!), хватаю у вас

из рук этот бесценный документ, запикиваю его себе в рот и, давясь, проглатываю, улыбаясь при этом улыбкой Моны Лизы. Какие у вас в данном случае будут гарантии?

Рост молчал, исподлобья смотря на развеселившегося Квадрата. Впрочем, веселье быстро закончилось – настроение у Квадрата менялось, как у пятилетнего малыша.

– В общем, уважаемый любитель преферанса, мне нужны деньги, – скучающим голосом сказал он. У него был такой вид, будто общество Роста ему уже порядком надоело и теперь он с огромным интересом наблюдал за плавающими в аквариуме рыбками. – И чем скорее, тем лучше.

– У меня нет такой суммы. И вы это, похоже, отлично знали, – стараясь, чтобы голос звучал уверенно, сказал Рост.

На лице Квадрата появилось страдальческое выражение.

– Сударь, что вы говорите?! А-а-ай... Да-да, такие дела... Что же вы сразу не сказали? Прежде чем сесть за стол со мной, а? – огорченно спросил он, но Рост видел, с какой яростью сверкнули его глаза. – И что вы мне предлагаете? Я не благотворительная организация, да и, при всем моем желании и уважении к вам и вашему таланту в карточной игре, я не могу себе позволить разбрасываться такими деньгами. Пожалуйста, войдите в мое положение.

Росту начинало казаться, что он бредит – со стороны все выглядело так, будто этот плюгавый знак вопроса уговаривает, и даже умоляет вернуть ему деньги.

– Мне нечего вам предложить, – сварливо ответил Рост. – Работы у меня нет, родственников за границей тоже. Даже собственной квартиры нет.

– У вас есть родственники на Украине, – как бы невзначай напомнил ему Квадрат, продолжая любоваться рыбками.

Рост дернулся, словно от пощечины, к лицу прилила краска. Как он мог об этом узнать?

– Ваша мама Галина Владимировна и сестричка Олеся. Судя по вашим словам, она очаровательна, – невозмутимо продолжал Квадрат.

– Если ты... вы попытаете приплести сюда моих родных... – зашипел Рост, борясь с искушением разорвать Квадрата на куски прямо здесь, за столом. Квадрат наконец-то оторвался от созерцания подводного мира и оценивающе взглянул на Роста.

– Ой. Помогите. Я, кажется, насрал в штаны от страха, – холодно процедил он, не сводя глаз-буравчиков с Роста. Наклонившись через стол, он приблизил свое тонкое лицо почти вплотную к Росту. – А теперь слушай сюда, щенок. Я и так потратил на такую блевотину, как ты, уйму времени, а ты только сидишь и слюни с соплями размешиваешь, как тебе херово и весь ты такой бедненький и разнесчастненький Буратино, твою мать. Ни одного дельного предложения, одни мудацкие вопросы и плач. Я даю тебе неделю. Как указано в расписке, все по правилам. В это же время, на этом месте, Ростик. Буду ждать с нетерпением.

Закончив тираду, Квадрат откинулся на стуле, и лицо его вновь приняло умиротворенно-благостное выражение. Рост оторопело смотрел на него. Происшедшая с Квадратом перемена была настолько неожиданной, что ему даже показалось, будто с ним разговаривал другой человек.

– Смею надеяться, Ростислав, что наша встреча была небесполезной и весьма конструктивной. Полагаюсь на вашу ответственность и исполнительность, мы ведь джентльмены? – Квадрат намеренно растягивал слова, словно наслаждался звуками собственного голоса. Он стал собираться. За его тощей спиной как по команде замаячили глыбы-телохранители.

– Позвольте кое-что напомнить, Ростислав. Если в силу каких-то причин у вас возникнут затруднения, влияющие на исполнение вашего обязательства, я буду очень признателен, если вы выйдете на связь со мной, поскольку я могу предложить вам посильную помощь в решении этой проблемы. Разумеется, не бесплатно.

Мордovorоты помогли Квадрату надеть плащ. Он галантно поклонился Росту.

– Да, еще, Ростик, – уже совсем по-дружески сказал он. – Не вздумай слинять. Очень тебя прошу. Да и друг твой, как там его... Лелик-Болик... в попе колик... Пока пусть никуда не уезжает. И последнее. Береги Олесю с мамой, Ростик. Да-да, такие дела... Сам знаешь, всякое случается...

Эти слова были последней каплей. Не помня себя от захлестнувшей ярости, Рост опрокинул стол, разбив наполовину опорожненную бутылку «Боржоми» вместе с бокалом, и рванулся к Квадрату. На пути к нему моментально возник один из телохранителей, второй тут же закрыл своим телом Квадрата. Стоявший перед Ростом громила с мерзкой улыбкой ждал, затем размахнулся, намереваясь разmozжить этому вспыльчивому молодому человеку лицо. Рост нырнул под удар и ударил его правой в живот, вложив в удар всю силу. Несмотря на кажущуюся тучность здоровяка, пресс у него оказался каменным. Тем не менее он согнулся пополам, вытаращив глаза и кашляя. Следующий удар Роста пришелся в челюсть громилы, и ее хруст отозвался в мозгу Роста блаженной музыкой. С грохотом здоровяк покатился на пол, увлекая за собой еще один стол с расставленной посудой. На звон расколотых тарелок и бокалов выскочили перепуганные официанты.

Но Рост этого не видел. Перед ним мерцала только одна цель – крысиная физиономия Квадрата, в чьих маленьких глазках за толстыми стеклами очков промелькнуло что-то вроде удивления – он явно не ожидал от парня такой прыти. Правда, оставался еще второй верзила, и Рост, перепрыгнув через корчащегося на полу поверженного телохранителя, ринулся вперед. Оба его удара второй громила умело блокировал, и Рост понял, что с ним справиться будет сложнее. Пока они обменивались ударами, выискивая слабые места, Квадрат выскользнул наружу. Поняв, что он его сейчас упустит, Рост зарычал и предпринял еще одну попытку прорваться вперед, забыв об осторожности, чем не преминул воспользоваться противник. Голова Роста взорвалась на миллиард крошечных осколков, глаза накрыл теплый занавес боли, и только перед тем, как потерять сознание, он услышал звон разбивающегося аквариума.

9

Возле винно-водочного магазина околачивался молодой парень крепкого телосложения с длинными волосами, затынутыми в хвост. Одет он был неброско и скромно, лицо простое и слегка наивное, на которое еще не наложили отпечаток суровые реалии повседневной жизни, в общем – обычный студент. В руках держал пакет, наполненный, судя по всему, чем-то тяжелым. На первый взгляд казалось, что юноша бесцельно слоняется у магазина, пытаясь если не «стрельнуть» денег на пиво, то уж прикурить точно. Однако если приглядеться повнимательней, то можно было заметить, что он кого-то выискивает. Через какое-то время он встрепенулся – к магазину мелкими шажками ковылял бомж. На нем были ветхие брюки, в прорехах которых лохматилась бахрома, и женская куртка-«ветровка» в подозрительных коричнево-желтых пятнах. Порванная «молния» вяло болталась на веревочке. Подойдя к витрине магазина, бомж с восхищением уставился на ассортимент за стеклом, крикая и цокая языком.

– Эй, братан! Да-да, это я тебе! – крикнул студент бомжу. Тот повернулся. – Ты вот что. Выпить хочешь? – юноша заговорщически подмигнул бездомному.

– Выпить? – протянул бомж, с опаской поглядывая на юношу. По его мнению, людям его круга выпить на улице мог предложить только полный псих. – А кто ж не хочет? Тока где денежки взять-то? – уныло спросил он. Словно в доказательство своих слов, бомж полез в карманы с явным намерением вывернуть их наизнанку, но юноша его остановил.

– Я угощаю, – улыбнулся студент. Улыбка была холодной, даже жесткой, но бродяга совершенно не обратил на это внимания. На его лице, которое представляло собой расплывшийся блин с фингалом под глазами, отразилось изумление. Затем рот разъехался в глуповатой улыбке – как это, разве такое бывает? Выпить, да еще на халяву?!

– Меня моя баба бросила, – доверительно продолжал студент, – настроение хреновое, вот, хочу развеяться, а выпить не с кем. Будешь? – Он поднес к носу клошара пакет и раскрыл его, чтобы развеять последние сомнения.

– А запивка есть? – осторожно поинтересовался бомж и, когда этот странный юноша кивнул, расслабленно выдохнул.

– Надо бы и закуси взять, – осмелел он. Студент пожал плечами и полез в карман. – На, возьми, что нужно. – Он протянул сторублевую купюру. Бомж жадно схватил хрустящую бумажку.

– Че, кильку будешь, земляк? Можно хлеб, паштет взять, – тон бомжа приобрел деловой оттенок. Он погрузился в глубокие раздумья, очевидно производя сложные арифметические действия. – Ша, я быстро, – он засеменил в гастроном.

– Только вдвоем скучно, – сказал ему студент, когда бомж вышел из магазина с белым пакетом, так непривычно выделявшимся на фоне его бесцветного серого тряпья. – Ты давай братву собери, погудим!

Бомж задумался, беззвучно шевеля губами в запекшейся корке, будто сомневаясь в нормальности студента. Тут всего три бутылки, а он собрался еще кого-то звать?! Пока он прикидывал, что к чему, студент выложил козырный туз:

– Ты, отец, не переживай, тебе хватит. У меня лавандоса много, если что – пошлем гонца за пузырьрем. Ну так что, зовешь братков?

Бомж испустил глубокий вздох. Что поделать, сейчас музыку заказывает не он.

– Кому надо, тот сам придет, – философски заметил он, и они направились к зеленеющей на отшибе лесополосе.

Спустя какое-то время студент понял, что те, «кому надо», не заставили себя ждать – завидев Вадика (так звали бомжа), важно шествующего с водкой и закуской, некоторые из них

заискивающе ловили его надменные взгляды и, получив милостивое разрешение, выразившееся в едва заметном кивке головы, с готовностью присоединялись к процессии. При этом физиономии присоединившихся бомжей менялись, как по взмаху волшебной палочки, – из туповато-унылых они превращались в загадочно-снисходительные, словно они каким-то образом перешли в касту избранных.

Несколько минут вереница бомжей во главе с Вадиком шла какими-то замысловатыми партизанскими тропками. Они миновали овраг, лесополосу, огромный ржавый контейнер с гниющими помоями и оказались у полуразвалившихся гаражей. К тому времени «паровоз» уже насчитывал шесть особей мужского пола. Если бы они были внимательными, то обратили бы внимание, что за ними кто-то следил. Но все внимание бездомных сосредоточилось на двух белоснежных пакетах в руках Вадика, один из которых подозрительно позвякивал, и это сладкое позвякивание вызывало у них неподдельный восторг, проникая в давно немые уши и лаская слух.

– Ну вот. Стало быть, пришли. Прошу в президентские апартаменты, – «пошутил» Вадик. – Как говорится, у нас как в Париже – только дома пониже и асфальт пожиже.

Он пригласил студента располагаться. Собственно, приземлиться было негде – вокруг была такая грязь, что неделю не убираемый свинарник показался бы номером люкс по сравнению с этим гадюшником. Центром всего было кострище, в котором валялись потемневшие от копоти консервные банки и почерневшая расплавленная пластмасса, вокруг в беспорядке раскиданы доски и обугленные бревна, а также остатки стульев. Единственное, на что можно было сесть – древнее рассохшееся кресло с перемотанными проволокой и изоляцией ножками, драная обшивка которого лоснилась от какой-то пролитой дряни. Едко пахло мочой, повсюду разбросаны битые бутылки, мятые алюминиевые банки, картонные коробки, пластиковые стаканчики, горы окурков, пакетики из-под «Доширака», полусгоревшие газеты и прочий мусор, и все это вперемешку с экскрементами, человеческого или животного происхождения, – студент не знал, да и не хотел знать. Осторожно поставив водку на более или менее чистое место, он постелил пакет на кресло, намереваясь сесть.

Увидев это, Вадик насупился, затем махнул рукой с видом: «Эх, знай мою доброту!»

Перехватив его взгляд, юноша понял, что «трон», куда он уселся, очевидно, был местом Вадика и он удостоен великой чести занять это почетное место. Бомжи привычно расселись кто куда, словно за каждым было закреплено определенное место, как по билетам в кинотеатре.

Не успели они открыть первую бутылку, как стали прибывать «опоздавшие». Точно акулы, учуяв запах крови, бомжи вылезали один за другим, подходили к Вадика, последний что-то важно объяснял, после чего они выбирали себе место у кострища, причем каждый норвил сесть поближе к заветным бутылкам.

Пиршество началось. Бутылка водки пошла по кругу и закончилась, не пройдя и второго круга. Почти все пили из горла, причем никто не морщился, будто глотали они квас или лимонад. Вадик строго следил за тем, чтобы все пили одинаково, и вырывал драгоценную бутылку с не менее драгоценным содержимым, если кто-то из «гостей» чересчур увлекался.

– Ну, как тебе у нас, студент? – с деланным участием спросил у длинноволосого юноши Вадик.

– Нормально. Только грязновато, – ответил тот.

– Да ладно тебе. Грязь не сало, ее потер – она отпала, – проговорил бомж, усердно ковыряясь в носу.

– Все, что меньше пяти сантиметров, не грязь. А что больше – само отвалится, – прибавил другой бомж.

– Грязь ладно. А почему вонь такая стоит? Вы что, ничего не чувствуете? – сдержанно спросил студент, изо всех сил стараясь дышать не носом, а ртом. Вадик с тупой сосредото-

ченностью стал принюхиваться, раздувая не слишком чистые ноздри, и, очевидно не уловив в окружающем воздухе ничего противоестественного, беспечно ответил:

– Воняет только п...да и селедка, студент. Все остальное пахнет.

Бомжи засмеялись, и гулянка продолжалась.

Когда выпили половину второй бутылки, Вадик с молчаливым упреком посмотрел на студента, мол, я же говорил, а ты: «Братву собери...» Но студент не растерялся, и, подозвав к себе Вадика, поинтересовался вполголоса, кого он может порекомендовать как самого надежного гонца за добавкой, выделив для этой цели еще триста рублей. Важно надув впалые щеки, бомж отправил за водкой какого-то замухрышку совсем уж неопределенного пола и возраста.

– Зачем ты его одного отпустил? – спросил студент. – Его сейчас у ларьков ваши конкуренты мигом «срисуют».

Вадик отрицательно покачал головой:

– Хвостика не срисуют. Он сам кого хошь срисует, и бегаёт быстро.

Затем назидательно добавил:

– А одного отправил потому, как вдвоем нельзя – нажраться могут. Вот. И ваще, нужно сразу было больше пузырей брать.

Бомжи без особого интереса перекидывались нечленораздельными, только одним им понятными фразами вперемежку с отборным матом. После второй распитой бутылки они немного оживились. К тому времени подоспела свежая артиллерия, причем вместе с замызганным гонцом по кличке Хвостик появились невесть откуда взявшиеся две девицы.

Одна из них уже была подшофе и практически висела на подруге. Видок у обеих был еще тот – которая потрезвей, была одета в засаленный джинсовый комбинезон, грязный до такой степени, что блестел в лучах заходящего солнца, на ногах – старые шлепанцы и рваные носки, которые когда-то были голубыми, из дырок выглядывали пальцы с черными ногтями. Слипшиеся волосы мочалкой висели вокруг землистого цвета лица. На второй, судорожно вцепившейся в подругу, была заблеванная юбка и рваная блузка без единой пуговицы, лихо скрепленная в самых интересных местах ржавыми булавками. Сквозь блузку просвечивал лифчик в желтых пятнах. На ногах – кроссовки, причем обе на правую ногу, одна из них была перемотана скотчем, отлепившиеся концы которого болтались за хозяйкой.

– Оп-паньки, – возбужденно заелозили бомжи, неизвестно чему обрадовавшись – новой порции подогрева или обществу прибывших дам.

Студент снисходительно наблюдал за попойкой, куря сигарету за сигаретой. Изредка он с озабоченным видом поглядывал на часы, будто куда-то спешил. Сам он почти не пил – только слегка пригубил из смятого пластмассового стаканчика, который ему торжественно вручил Вадик.

– Ленок, – басом представилась студенту девица, та, которая была трезвее. Она попыталась бесцеремонно усесться к нему на колени, но тот быстро вскочил, уступая ей место, сказав при этом:

– Очень рад, присаживайтесь.

У Ленка округлились глаза, будто ей ненавязчиво предложили слетать сегодня на Марс. На ее опухшем лице появилось что-то отдаленно напоминающее мыслительный процесс, осознание того, что когда-то подобные слова для нее не были редкостью. Она неторопливо опустилась на «трон», стараясь выглядеть как можно грациозней.

– Сигарету? – предложил между тем загадочный молодой человек.

Кокетливо хихикнув, Ленок приняла сигарету и закурила, тем не менее, слегка смутившись. В это время мамзель, что до недавнего времени болталась на плечах Ленка, подала хриплый голос:

– Эта, слышь... Ленок! Я все Петьке расскажу, стерва. Вишь, клеится к какому-то... какому-то... – так и не найдя подходящего определения, она рывкнула: – Слышь меня, Ленок?!

– Светик, все нормалюшечки, – не обращая на нее внимания, отвечала Ленок, не сводя многообещающего взгляда со студента.

– Смотри. Петька те враз пистон промеж ляжек засадит, из жопы искры полетят. Будешь как Гастелло, ха-ха!

Произнеся эту обличающую и грозную фразу, Светик плюхнулась на колени к какому-то заросшему до состояния Робинзона Крузо бродяге с надетой сикось-накось вязаной шапочкой в репейниках. Студент обратил внимание, что борода Робинзона колышется, и сначала списал все на ветер, но лишь потом с омерзением понял, что вся растительность на роже бомжа кишит вшами.

Откуда-то появилась раздолбанная балалайка.

– Ты кто? – игриво спросила Ленок у студента, докуривая сигарету. Табака почти не осталось, но она все равно сделала несколько затяжек, не без удовольствия вдыхая дым горелого фильтра. – Я тебя раньше не видала.

Студент засмеялся, смех был сухой и бесцветный, как перекаати-поле.

– Так я тебя тоже раньше не видел, прелесть. Откуда такие красавицы берутся?

Ленок пьяно уставилась на юношу, пытаясь определить, не шутит ли ее собеседник. Будь она внимательнее, то заметила бы, что студент бегло осмотрел всех присутствующих, беззвучно шевеля губами, словно пересчитывая их в уме.

– Такие, как я, уже закончились, – решила блеснуть своим остроумием Ленок. – Ты сегодня с нами останешься? – В это время подошла ее очередь, и Ленок привычно схватила полупустую бутылку «Завалинки». С вожделием глядя на плескавшуюся жидкость, она запрокинула посудину, сделав несколько жадных глотков. Затем вытерла рот и протянула бутылку юноше. – Ну так че, останешься?

– С тобой – хоть на край света, – серьезно ответил студент.

– Ну, на край света не надо, – произнесла Ленок и протянула студенту бутылку, предлагая «бухануть» с ней на брудершафт за их «случайное, но очень приятное знакомство». Но тот вежливо отказался и, достав мобильный телефон, стал щелкать кнопками. Несколько бомжей многозначительно переглянулись.

– Где у вас тут отлить можно? – убирая мобильник в карман, спросил студент у Вадика, и все загоготали.

– А везде, мил человек, – растянул в улыбке потрескавшиеся губы бомж и пропел:

Я гляжу в унитаз, хохоча,
У меня голубая моча!
И х... у меня голубой!
И ващце, я доволен собо-о-о-ой!

Понятливо кивнув, студент отошел за гараж. На самом деле он не думал облегчаться. Обойдя осторожно гараж с другой стороны, он почти вплотную шагнул к веселящимся бомжам. Плотные заросли скрывали его от посторонних глаз, и он услышал интересный диалог. Один голос принадлежал Вадиду, другой – незнакомому бомжу с простуженным голосом.

– Слышь, Вадя, нужно еще пузырь взять. Или два.

– Ща студент поссыт, я у него денег стрельну.

– А скоко у него осталось?

– Х... его знает. Я к нему в карманы не смотрел.

– А надо было... Телефон его видел, а?

– Ну.

– Может, это... того его? А, Вадя? И в карманы тогда можно спокойно глядеть, – довольный своей мрачной шуткой, «простуженный» захрюкал, что, по всей видимости, означало смех.

Вадик шумно засопел, скребя затылок. Студент, стоявший в кустах, который на самом деле был не кто иной, как Алекс, понимающе улыбнулся, будто он ждал именно этого разговора. «Вот оно, гнилое нутро обездоленных, несчастных и измученных „Нарзаном“, мать их ети. Не только сраные снаружи, да и внутри все гнилые, эти бомжи. Правильно все-таки мы решили с Гюрзой. Им добро делаешь, а они, понимаешь, „того его“... Да-а...»

– Ты скажи, что, типа, поговорить надо. А мы с Митяем сзади будем. А? – вполголоса продолжал подстрекать Вадика «простуженный», и Алексу приходилось напрягать слух, чтобы не пропустить ни слова.

Вадик все еще думал, кряхтя, дилемма казалась ему неразрешимой. В конечном итоге алкогольные пары и настойчивые уговоры друга возымели действие, и судьба «студента» была решена.

– Нема базару. Тока нужно валить сразу.

Алекс чуть не присвистнул.

– Давай, Вадя, – заторопил «простуженный», с такой легкостью задумавший ограбить, а затем убить Алекса. – Че-то он там долго ссыт.

– Да не, срет, наверно, – сплюнул Вадик и, отдуваясь, поднялся с бревна.

Алекс поспешил обойти гараж и вернуться на свое место, делая вид, что застегивает ширинку.

– О, студент, – воскликнул Вадик, изобразив на опухшем лице фальшивую радость. – Пойдем, пошептаться нужно.

– Ща, Вадя, – с расстановкой сказал Алекс. – Только спою вам одну оперу. Дай-ка свои гусли-самогуды, – обратился он к бомжу с балалайкой.

Все притихли. Алекс взял балалайку в руки. Поморщился, почувствовав ее липкую поверхность. Он положил ногу на ногу, и, перехватив влюбленный взгляд вконец окосевшей Ленки, беспорядочно затренькал дребезжащими струнами и неожиданно завопил во весь голос, нарочно картавя:

Лазлесьте вас потесыть,
И частуски вам плопеть!!!
Лазлесьте для натяла
На х... валенок надеть!!!

Бомжовская братия разразилась громогласным хохотом. Захмелевшая Ленка глупо попискивала, деликатно прикрывая рот рукой, то ли из приличия, потому что так поступают все воспитанные дамы, то ли пытаясь скрыть недостающие зубы. Ее вдрызг пьяная подруга Светик уже была не в состоянии что-либо говорить и с возбуждением издавала какие-то повизгивающие звуки, медленно сползая с Робинзона на загаженные картонные коробки.

– Студент, а как тебя зовут-то? – не очень уверенно спросил Вадик. – Пьем, веселимся, а как звать-то и не знаем...

Что-то в поведении студента бомжу не понравилось. Если бы он задрал голову, то увидел, как на крыше гаража бесшумно возникла человеческая фигура.

– Зовут меня... – Алекс выдержал паузу. Он видел, как за спинами бездомных заколыхались кусты и на полянку вышли трое – Мика, Нелли и Жуля. – Зовут меня Хирург.

Он отдал назад балалайку, стараясь при этом не коснуться бомжа с исцарапанным носом. После этого вытащил из кармана пару резиновых перчаток и стал натягивать их на руки, акку-

ратно расправляя складочки на каждом пальце. Он делал это медленно, со вкусом, и все бомжи заворуженно пялились на эту процедуру.

– Дурацкое имя, таких не бывает, – икнула Леночка, не подозревая, что ей оставалось жить несколько секунд.

– Почему же не бывает? – возразил Алекс. – Чем, к примеру, Хирург хуже Леночка?

– Ладно, уже не смешно. А перчатки зачем? Стирать собрался?

Качнувшись вперед, Леночка высморкалась прямо на землю, вытерла нос и оперлась измазанной соплями рукой в колено Алекса. На его лице мелькнула тень отвращения, однако ногу он не убрал.

– Пока не смешно, – согласился Алекс. – Зато сейчас будет ой как смешно. Обдрищетесь от смеха, гарантирую.

Он снова полез во внутренний карман. Леночка решила, что теперь самое время облегчиться и ей, но не успела она привстать, как неожиданно ее бок пронзила жуткая боль. Ноги подломились, и она медленно опустилась на колени, обхватив Алекса, будто прося его о помощи. Тускнеющий взгляд выхватил изогнутый нож, измазанный кровью.

– Сдохни, падаль, – нежно произнес Алекс, косо вонзая нож в чумазую шею девушки. Брызнула тугая струя крови, черная в начинающих сгущаться сумерках. Из рассеченной артерии послышались булькающие звуки. Алекс распустил свои длинные волосы.

Пока бомжи в оцепенении глазели на свою умирающую подругу, вышедшая из кустов троица рассредоточилась. С гаража спрыгнул Гюрза. Руки в «рабочих» перчатках, шипы злое еще поблескивали, как миниатюрные лампочки на новогодней елке.

Когда Леночка перестала булькать, Алекс развернулся к застывшему Вадичу. Поискал глазами «простуженного». С хищно выставленным ножом и распущенными волосами он был страшен.

– Ну что, крыса помоечная? Кого ты валить собрался? А, Вадя? Такая ваша благодарность, блядь? И где тут Митяй? – закричал Алекс, входя в раж. – Я ему тоже яйца отрежу! Где Митяй, мамку вашу туда и обратно?

Наконец началось какое-то движение. До бомжей стала доходить страшная правда, что веселье закончилось и эти ужасные молодые парни с девкой пришли сюда не поболтать, не выпить и даже не облегчиться, они пришли убивать их, убивать жестоко и мучительно. Те, кто был помоложе, стали подниматься на ноги с глухим ворчанием, ища глазами пути отступления.

Гюрза с усмешкой смотрел на серую кучку бездомных. Двенадцать рыл, плюс пьяная в жопу мокрощелка с плоской сиськой, храпящая на заплыванной коробке.

Вадик пятился назад, испуганно глядя на наступавшего Алекса, затем неожиданно подхватил с земли пустую бутылку и запустил ею в юношу. Тот увернулся, но неудачно – доньшко все же задело плечо.

– Ну, Вадя... – рассвирепел Алекс. В два прыжка он нагнал бомжа и молниеносно всадил ему нож в грудь. Затем еще раз. И еще. Захрипев, тот навалился на Алекса, дрожащими руками пытаясь достать до горла.

– С-сука, студент, – плюясь кровью, выговорил он. Алекс с легкостью отшвырнул от себя умирающего бомжа и бросился к следующему.

Гюрза уже дрался с двумя бродягами. Одного он уложил сразу, сорвав своими перчатками ему почти все лицо, как кожуру с мандарина, второй отбивался здоровенным обуглившимся бревном. Бомж вертел им, как заправский викинг боевым топором, и постепенно вытеснил Гюрзу к самому оврагу. Пока он размахивался в очередной раз, Гюрза сорвал с щиколотки подводный нож и, пригнувшись к земле, прыгнул на бомжа, погрузив лезвие ему в пах. Бревно выпало из ослабевших рук, задев по спине Гюрзу, но тот уже мчался к другому.

Кто-то закричал. Кто-то смачно матерился. Трое бомжей, в числе которых был Хвостик, ринулись за гаражи. Жуля со зверской физиономией взмахнул бейсбольной битой и рванул

за ними. Несмотря на уверения Вадика о том, что Хвостик быстро бегаёт, в этот раз он был явно не в форме. Удар битой сшиб его с ног, и тот упал Жуле под ноги. Еще два удара по голове, и Хвостик затих. Оставалось еще двое. «Хорошо, что Гюрзе пришло в голову напоить эту рвань, – подумал Жуля, – они и так бегать-то не могут, а уж пьяные и подавно...»

Впереди был глубокий овраг, и бомжи остановились. В страхе глядя на приближающегося Жулю, прячась друг за друга, они затравленно глядели на него.

Нелли тоже гналась за двумя бомжами. Один упал, но продолжал ползти, издавая какие-то клокочущие звуки. Когда Нелли настигла его, он упал ей в ноги и вцепился зубами в голень. Девушка взвизгнула, но нож из рук не выпустила. Они кричали оба – Нелли от боли и неожиданности, а бомж от страха, при этом ожесточенно трясая головой, как собака, явно намереваясь если уж не откусить ей ногу, то хотя бы вырвать кусок мяса. Наконец Нелли несколько раз подряд всадила ему в спину нож, и бомж засучил ногами. Повернувшись на бок, он, не разжимая зубов, испустил дух. Не удержавшись, Нелли упала. Нога, которую не выпускал из своей пасти бродяга, пульсировала болью, словно в ней застрял рыболовный крюк.

– Алекс! – закричала она. Девушка испугалась – а вдруг этот бездомный заразный. – Алекс, помоги!

Через мгновение появился Алекс – он несся сквозь кусты, как бешеный леопард. Однако он ни на секунду не остановился возле своей любимой, а бросился догонять второго бродягу. Если он уйдет, будут серьезные проблемы, а Нелли он поможет позже.

Видя, что от безумного молодого человека не уйти, бомж повернулся. Гневно раздувая ноздри, он выудил из недр своего тряпья оружие – кусок ржавой арматуры. Алекс увидел это. Не решаясь драться с клошаром в ближнем бою, он прибавил скорости и, подпрыгнув, ударил его ногой. Тот покатился в кусты, хлюпая развороченным носом, железный прут отлетел в траву. Алекс коршуном кинулся к нему и, присев над смердящим телом, перерезал ему горло, отскочив, чтобы на одежду не попала кровь. Только после этого он направился к Нелли.

Жуля дрался у оврага с двумя. Одному он мощным ударом биты перебил ногу, и тот, подвывая, сполз вниз в кусты, второй, еще сравнительно молодой, бомж довольно умело уворачивался, избегая ударов. Внезапно он сунул руку в поношенный пиджак и что-то кинул в лицо Жули.

– А-а-а-х, ты тварь! – заорал Жуля, хватаясь за глаза, которые вдруг вспыхнули огнем, их нещадно защипало, словно в них прыснули керосином. Перец!

Перед глазами все плыло, он чихнул. Тем не менее в багровом тумане Жуля разглядел, как бомж с ехидной ухмылкой поднял с земли длинный осколок стекла, издали напоминающий хрустальный стилет, и стал приближаться. Его не смущало, что стекло он держит голой рукой и при ударе наверняка сам серьезно поранится.

Продолжая ругаться, Жуля отмахивался битой, другой рукой вытирая катящиеся градом едкие слезы. В какой-то момент он зазевался, и бомж вонзил осколок ему в щеку. Словно испугавшись, что он наделал, бомж растерянно шагнул назад, облизывая раненую ладонь.

Теплая кровь быстро наполнила рот, Жуля языком чувствовал покрытый песком кусок стекла, и ему стало страшно. Собственно, страх придал ему дополнительные силы, и Жуля покрепче ухватился за битую. Первый удар отбросил бродягу назад, второй сшиб с ног. Жуля осторожно вытащил импровизированный «клинок» из разорванной щеки и подошел к стонущему бомжу.

– Что, мразь, – прорычал он, капая на него своей кровью. – Крутой, да?

Бездомный умер после второго удара, но обезумевший от ненависти Жуля продолжал колотить труп, пока лицо бомжа не превратилось в кровавый блин, а череп не развалился, как гнилая тыква. Затем подошел к тому, которому раздробил битой ногу, и двумя ударами покончил с ним.

Мика и Гюрза добивали оставшихся четверых. Они уже не пытались убежать, принимая смерть как неизбежность, и дрались, кто как мог. Мика орудовал велосипедной цепью, и один из них уже корчился на земле, зажимая руками разодранное лицо. Второго Гюрза достал ножом и собрался атаковать третьего, «простуженного», как откуда-то выпрыгнул Алекс, держа в руках подобранный где-то гнутый лом. Защититься у бродяги шансов не было, он просто бесвязно матерился, обреченно закрыв лицо руками. Лом вошел ему в грудь, повалив на кресло, на котором несколько минут назад сидел Алекс. Кресло с треском развалилось, подняв облачко трухи и пыли. Бомж задергал конечностями, и Алекс ударил еще два раза. Когда «простуженный» был уже мертв, Алекс плюнул на труп.

– Он похож на засушенного жука. Моя сестра в детстве их коллекционировала, – тяжело дыша, сказал он.

Мика расправился с последним бродягой и теперь вытирал цепь травой.

– Что там с Нелли? – отрывисто спросил Гюрза, оглядывая поле битвы.

– Да хер один цапнул за ногу. Пошли, поможешь. – Алекс повертел нож между пальцами.

– А Жуля где?

– Тута, – отозвался юноша, выходя из-за гаражей. Глаза все еще отчаянно щипало, и он беспомощно мотал головой. Гюрза увидел его окровавленное лицо и нахмурился.

– Сильно зацепило? – спросил он, но Жуля махнул рукой.

– Придется зашивать, – сказал Гюрза, рассматривая рану. На его лице появилось недовольство. – Тьфу, черт!

– Гюрза, давай быстрее к Нелли. Закончим и сваливаем, – поторопил Алекс.

Нелли сидела, привалившись к чахлому кусту. На ее лице застыло деревянное выражение, совершенно лишенное эмоций. Убитый ею бомж так и не разжал челюстей, глаза его закатились, выпятив непомерно большие белки, веки посинели.

Через несколько минут Алекс и Гюрза, используя нож в качестве домкрата, освободили девушку. Она задрала штанину, и все увидели красный полукруг на голени, оставленный зубами бомжа. Кожа вокруг укуса припухла.

– Ты слышишь меня? Ау, солнце! – Гюрза затормошил девушку, но она вяло вырвалась.

– Отвали, Гюрза... Меня и так тошнит, а тут ты еще трясешь...

– Значит, пришла в себя, – с удовлетворением в голосе вымолвил молодой человек. – Ладно. Посмотрим, что там у нас. – Гюрза наклонился над ногой Нелли и внимательно осмотрел ранку. – Крови нет, просто сильно сдавлена кожа. Тебе повезло. – Он поднялся на ноги. – Нужно запалить костер.

– На хера? – еле ворочая языком, спросил Жуля. Щека сильно болела, кровь никак не останавливалась, продолжая сочиться по подбородку и шее. – Шашлычка из бомжатины захотел, Гюрза?

– Слишком ты следов много оставил, тупица, – сказал Гюрза, указывая на заляпанную кровью одежду Жули. – Здесь нужно все сжечь.

– А что с этой? – спросил Жуля, показав на валяющуюся пьяную девицу, которая уснула перед самым представлением. Гюрза мысленно позавидовал крепости ее сна.

– То же, что и с другими, – бросил Алекс. – Уважаемые коллеги, разве вы не видите, что здесь целая эпидемия? Необходимы кардинальные меры и...

– Заткнись, – оборвал его Гюрза. Он размышлял. Она спала все время и вряд ли что-нибудь вспомнит. Может, оставить ее в живых?

Пока он раздумывал, Мика подошел к ней и, перевернув на спину, молча всадил ей нож в сердце. Та даже не дернулась, лишь слегка вытянулся носок одной ноги.

Лицо Гюрзы потемнело.

– Какого черта, Мика? – негромко спросил он. – Я что, давал команду?

– Гюрза, остынь, – сказал Алекс, чистя нож извлеченной из кармана салфеткой. Он все еще злился на Гюрзу, но старался не показывать виду. Убедившись, что лезвие засияло, он бережно убрал нож. – Эта пьянь меня видела и могла запомнить. И вообще, что это – «давал команду»... С каких это пор ты у нас главный?

– Мика, ты не ответил на мой вопрос. – Гюрза не сводил взгляда с Мики.

– Расслабься, Гюрза, – процедил он. – Тут кто-то недавно базарил про безопасность, так что не парься.

«Он становится неконтролируемым. Неконтролируемым и опасным», – мелькнула у Гюрзы мысль. Некоторое время молодые люди смотрели друг на друга, затем Гюрза проговорил сквозь зубы:

– О'кей. Разжигайте!

Через два часа они сидели у Гюрзы. Все, кроме Жули – Алекс созвонился со знакомым, отец которого работал в частной клинике в Красногорске, и Жулю отправили зашивать щеку, для чего Гюрза вызвал такси. Он дал Жуле свою куртку и джинсы, а его заляпанную кровью одежду завернул в несколько целлофановых пакетов и выбросил в мусорный контейнер. Пока Мика с Алексом ходили за выпивкой, Гюрза еще раз осмотрел ногу Нелли. Она тщательно промыла кровоподтек, но Гюрза на всякий случай решил наложить на место укуса компресс.

– Ты все еще злишься на меня? – мягко спросил он.

– Видишь ли, Юра, – проговорила девушка, задумчиво глядя в окно. – Почти всегда ты оказываешься прав. Но иногда я тебя просто ненавижу. – Она встретилась глазами с Гюрзой и, не выдержав пронизывающего взгляда юноши, отвела глаза. – Ты уж извини, но я с тобой откровенна.

Гюрза улыбнулся.

– Тебе это приятно слышать? Что временами я тебя ненавижу? – спросила Нелли.

– Нет. Просто ты первый раз меня назвала по имени. Зачастую я сам забываю, как меня зовут.

Нелли уловила появившуюся в голосе молодого человека тоску.

Мика с Алексом тем временем маялись в очереди к кассе. Они взяли вино для Нелли, бутылку водки «Русский стандарт», сок для Гюрзы, ветчины, семги и пару салатов. Мика прихватил еще две банки пива.

– Наверное, я должен сказать тебе спасибо. Если бы не ты, мы точно с Гюрзой сцепились бы, – сказал Алекс. Его смущало перманентное молчание Мики, и иногда он подумывал, не с «приветом» ли он вообще. К его удивлению, Мика не оставил его реплику без ответа:

– Гюрза все верно делает. Ты зря ему предьявы кидаешь.

– «Верно делает»... – пробурчал Алекс. – Еще раз вы... нется, я его прямо на месте закопаю.

– Вряд ли, – не согласился Мика. – Гюрза крепкий орех. Хочешь честно? Я сейчас почти жалею, что выписал рецепт бомжихе, той, что дрыхла на коробках.

– Что так?

Мика замолчал, и Алекс уже подумал, что он свое на сегодня «отговорил», однако он все же нехотя, словно через силу, выдал:

– Не знаю. Будто кто-то управлял мною. Знаешь, как в этих игрушках компьютерных?

Алекс решил промолчать, тем более подошла их очередь к кассе.

10

«Московский комсомолец», 10 мая

Пожар не смог скрыть следов преступления.

Страшная трагедия произошла вечером 8 мая на севере столицы в районе Алтуфьево. После тушения пожара в заброшенном гараже было обнаружено 13 трупов! По предварительным данным, все потерпевшие являлись лицами без определенного места жительства. Версия правоохранительных органов первоначально сводилась к банальной пьянке, после которой и разгорелся пожар. Однако более тщательный осмотр однозначно подтвердил, что смерть бедолаг, кстати, среди которых было две женщины, наступила незадолго до поджога. Несчастных буквально искромсали ножами, а лица некоторых были обезображены до неузнаваемости! Очевидно, злоумышленники использовали также палки или бейсбольные биты. Примечательно, что жители близлежащих домов хотя и слышали отдаленные крики, не придали этому значения, так как шумные компании и гулянки в этих местах – обычное явление, а заброшенные гаражи в летнее время всегда были излюбленным местом для бомжей. Прокуратурой округа возбуждено уголовное дело по факту убийства двух и более лиц. Теперь пинкертонам предстоит выяснить, кто же учинил столь жестокую расправу над бомжами. По неофициальной версии, драка могла произойти между такими же бродягами, не поделившими территорию с потерпевшими. В настоящее время идет установление личностей погибших...»

11

Жуля позвонил на следующий день. Операция прошла нормально, и швы скоро можно было снимать. Жуля настоятельно просил, чтобы их сняли как можно быстрее, так как с зашитой щекой не очень удобно есть (а пить уж подавно!). Правда, его предупредили, что шрам все-таки останется, но Жуля мало обращал внимания на такую ерунду. Глаза целы, зубы целы – и то хорошо. В связи с вышеперечисленными факторами, пояснил Жуля, его визит в отдел кадров ЧОПа откладывался на неопределенное время, о чем он с чистой совестью и доложил Гюрзе. Однако тот уже принял для себя решение не лезть в личные дела друга детства и только сухо бросил, что Жуля волен поступать, как ему вздумается. Жуля с чувством выполненного долга попрощался и на вопрос, чем он собирается заняться, уклончиво ответил, что у него «кое-какие» дела. Собственно, Гюрза мог и не спрашивать – все дела Жули, за исключением акций, – керосинить на лавочке во дворе с дружбанами-забулдыгами, коим Жуля уже потихоньку, сам того не замечая, становился.

В понедельник Юра проснулся в полшестого утра. Настроение было отвратительное, если не сказать больше. Его снова глодала странная, необъяснимая тоска. Кляксич, видя дурное расположение духа своего хозяина, благоразумно ретировался на лоджию, где улегся на шкафчик и смотрел на проезжавшие машины.

Юра принял душ, вылив на себя почти полбутылки шампуня, после чего долго и с остервенением тер себя грубой мочалкой, пока тело не стало красным, как вареный рак.

На семинаре он схватил пару (впервые!) за то, что не ответил на вопрос о сущности политических учений Томаса Гоббса. Откровенно говоря, чихать хотел Юра на этого, пусть и высокоуважаемого, Томаса Гоббса вместе с его политическими учениями, и в общем-то чихать на весь университет. Поскорее бы диплом получить и свалить на фиг из России.

Преподаватель, высокая тощая женщина бальзаковского возраста, Ангелина Борисовна, с кислым взглядом и длинным носом, почему-то всегда ассоциировалась у Юры с высохшей воблой. Она была строга, но объективна и справедлива, даже дочке замдекана, учившейся в их группе, она не делала никаких поблажек. И тем не менее «банан» Юре она ставила с нескрываемой неохотой, поскольку этот молодой человек был ей симпатичен, но нарушать принципы, тем более при всех студентах, она не хотела.

Юра вполуха слушал монотонный голос кого-то из отвечавших, что-то машинально рисуя на парте. Он не мог понять причины своего настроения, его раздражало буквально все. А после лекций – тренировка. Юноша знал, что на занятиях большое значение имеет психологически положительный настрой, иначе толку от этой тренировки никакой. В памяти всплывали события 8 мая, и Юра внезапно открыл для себя, что думает об этом с удовольствием. Даже со вкусом, словно наслаждаясь каждым просмотренным в замедленном действии кадром.

– Тягушев! – нараспев повторила Ангелина Борисовна. Она с недоумением смотрела на Юру. Звонок уже прозвенел две минуты назад, и в аудитории остались он и преподаватель. – Ты что, уснул?

– Нет, извините, – пробормотал Юра, собирая тетради в сумку.

– Ты сегодня не блистал знаниями. Что произошло?

– Все в порядке, Ангелина Борисовна. Исправлюсь, – коротко сказал Юра. Преподаватель пожала плечами и вышла из аудитории.

Перед тем как уйти, Юра бросил взгляд на свое творение и плотно сжал губы. Пока он плавал в океане воспоминаний, рука жила самостоятельной жизнью и изобразила на парте огромную виселицу.

Тренировка прошла еще хуже, чем семинары. Из головы не выходила последняя акция и не давала ему покоя. Более того, это пугало его.

«Ты стал наркоманом, – шипел внутренний голос. – Думал, побалуешься, ребятки, и вам все это с рук сойдет? Нет уж. За все платить нужно... Тебя скоро и бабы перестанут возбуждать...»

Начались спарринги. Против него вышел Сергей – высокий, почти на голову выше Юры молодой парень, немного превосходящий его как по весовой категории, так и по технике. Во всяком случае, ни одной победы над ним Юра еще не одерживал.

Начался бой. Юра вел поединок вяло, никакого желания работать не было. Практически в первую же минуту он пропустил два удара, упав на колени, затем в его мозгу что-то щелкнуло. Как переключатель на тумблере. Юра медленно поднялся на ноги и посмотрел на соперника. Лицо Сергея выражало участие с некоторой долей тревоги, и именно эта искорка произвела настоящий взрыв внутри молодого человека. Он слизнул каплю крови, выступившую из разбитой губы, чувствуя, как его охватывает прямо-таки нечеловеческая злоба. Сергей это понял по его потемневшим глазам, но было уже поздно. Один удар попал ему в скулу, затем в живот ногой, и когда Сергей согнулся пополам, Юра ударил его кулаками по ушам. Задышавшись, Сергей упал на татами, из одного уха тоненькой струйкой вытекала кровь. Юра молча стоял, тяжело дыша, и смотрел на валяющегося соперника, который, размазывая кровь по лицу, силился подняться на ноги.

«Первая победа. Поздравляю, Гюрза!»

Гневный окрик Владислава вернул Юру к действительности. Щелк! Переключатель вернулся на место. Будто какая-то туманная завеса упала с век, и он с удивлением разглядывал окружающих. Со стороны могло показаться, что он вообще не понимает, кто он и как здесь очутился.

– Вон, – тихо приказал тренер Юре, но в голосе проскальзывали угрожающие нотки. – На сегодня ты отзанимался.

Юра перевел взгляд на Влада. Вытер с губы кровь и, молча поклонившись, в полнейшей тишине направился к раздевалке.

Влад покачал головой. Ему не понравился блеск в глазах Юры. И само поведение... Не попросил прощения у партнера, не помог подняться, на его лице не было даже тени испуга, а ведь этим ударом он мог лишить Сергея слуха, если вообще не оставить калекой...

Он не хотел выгонять Тягушева окончательно, и обязательно поговорит с ним в следующий раз. Но этот ненормальный блеск в глазах... Влад словно посмотрел в лицо собственной смерти.

На обратном пути Юра купил бутылку водки и кое-какой закуски. Сев в машину, он некоторое время смотрел в одну точку. Стал накрапывать дождик, и юноша машинально включил «дворники». После чего достал мобильник и набрал номер Ивы.

Она взяла трубку сразу, словно только и ждала от него звонка.

– Это я, – слова давались ему тяжело. – Извини, что я... Ну, в общем, – Юра пришел в некоторое замешательство, и это еще больше взбесило его. – Ты приедешь?

На удивление, Ива быстро согласилась, словно боялась, что Юра передумает. Обычно каждому приглашению предшествовала длительная фаза уговоров и размышлений, но в этот раз что-то в голосе юноши заставило ее согласиться на встречу без раздумий.

– Ты что купил? – подозрительно косясь на пакет в руках Юры, спросила Ива, когда они вошли к нему в квартиру. – Я буду вино. Белое полусладкое. И сыр, мой любимый.

– Есть только водка, – тоном, не допускающим компромиссов, сказал Юра, скидывая обувь. – И килька. Моя любимая.

– Во-одка? – растерянно протянула Ива. – Я не хочу водку...

«Кто тебя спрашивает, сыкуха», – подумал Юра, выкладывая на стол продукты. Вслух он произнес:

– Ива, если хочешь чего-то другого – топай в магазин.

– Как это? – захлопала ресницами Ива. Она выглядела совершенно обалдевшей.

– Ножками, – пояснил Юра, доставая рюмки. – На, вот деньги и ключи. Я – в душ.

Ива открыла рот, чтобы сказать какую-нибудь колкость, но решила промолчать. В таком состоянии она видела Юру впервые и терялась в догадках. Одно она знала точно – причина не в ней. Она молча вышла из квартиры. Юра отправился в ванную, по пути прикрикнув на Кляксича, который вышел его встречать. Увидев, что состояние хозяина не улучшилось, кот недовольно мяукнул и отправился на лоджию.

Ивы долго не было, и Юра уже решил, что она уехала домой, но вскоре услышал, как хлопнула входная дверь. К тому времени он уже выпил треть бутылки.

– У тебя какие-то неприятности? – спросила Ива, присаживаясь рядом. Она вытащила из пакета бутылку вина, голландский сыр и шоколадку. – Откроешь?

Юра полез за штопором.

– Ива, неприятности, или, выражаясь иначе, проблемы, есть у каждого. Так что давай эту глобальную тему оставим в стороне.

Какое-то время он возился с пробкой.

– За что выпьем? – нерешительно спросила она, когда он наполнил ее бокал.

– За сбытия мечт, – развязно сказал Юра, чокаясь рюмкой. Он выпил, при этом пролив немного на свою футболку.

Ива задумчиво смотрела на него. Что с ним? Ладно, у женщин бывают критические дни, но Юра-то? При деньгах, своя квартира, учится отлично, что ему еще нужно?!

Она включила телевизор, и какое-то время двое молча смотрели какую-то глупую комедию. Девушке стало скучно.

– Юрчик, может, в ночной клуб скатаемся? – попробовала расшевелить она юношу, но тот лишь отмахнулся:

– Тебе хочется танцевать? Или колесики попробовать?

Лицо Ивы вспыхнуло.

– Ну знаешь... Сидишь тут пнем, водку хлещешь, на меня ноль внимания... Вон, почти всю бутылку уговорил.

Он молча встал и направился к ванной. Душ – это хорошо. Он очищает. Пусть не душу, но хотя бы тело. Душ, душа... Может, в том, что эти слова однокоренные, есть какой-то смысл?

Они ополоснулись и вскоре уже лежали в постели.

– Ну? – спросила Ива, видя, что Юра не собирается ничего предпринимать. – Будем трахаться или обсуждать «Анну Каренину»?

– Ох и язычок у тебя, – произнес Юра. – Им бы кое-что другое делать.

– Готова выслушать твои предложения, – с вызовом промолвила Ива.

Юра придвинулся к девушке и впился в ее губы, поглаживая крепкие грудки. Ива тяжело задышала.

Через несколько минут юноша, тихо выругавшись, лег на спину. Ива молчала.

– Ты много выпил? – спросила она наконец. – Это бывает.

– Может быть, – хмуро отозвался Юра, глядя в потолок.

Ива встала с постели и, захватив сигареты, как была обнаженной, пошла курить на лоджию. Юра продолжал лежать, тихо ненавидя себя. Такого с ним прежде никогда не случалось, и он не знал, в чем причина. Во всяком случае, не водка. Он и раньше занимался сексом подшофе, и все было тип-топ.

В комнату осторожно вошел Кляксич, уставившись на Юру янтарными глазами.

«Только тебя не хватало, – подумал Юра. – Пришел поддержать батьку? Боюсь, твоя писька слишком коротковата для Ивы. Ей бы сейчас осла... или коня. Ладно, иди сюда, жоп-сель».

Кляксич, уловив в голосе юноши располагающие нотки, вскочил на кровать и довольно заурчал. Юра стал почесывать лоб кота, ближе к пуговке-носу, Кляксич просто млеет от этого, урчание стало громче, напоминая работу трактора на холостом ходу.

«Почему? – неотступно преследовала Юру мысль. – Ведь раньше все было нормально...»

Вернулась Ива, и Кляксич с неудовольствием перебрался на кресло.

– Будем спать? – небрежно поинтересовалась Ива, укладываясь в постель.

Юра молча повернул ее к себе.

– Дубль два, – странным хрипловатым голосом произнес юноша. Он прикрыл глаза и вдруг ясно представил Иву в каком-то грязном подвале, где то и дело снуют огромные крысы. Она одета в рваную хламиду, от нее невыносимо несет потом и мочой, лицо измазано сажей, она пьяна...

– Решил реабилитироваться? – откуда-то из пустоты всплыл голос Ивы, и Гюрза навалился на нее всем телом. Ему казалось, что тело девушки покрыто гниющими струпьями, одного глаза нет, а из влагалища течет розовая жидкость.

– Ого! – воскликнула Ива, обнимая восхитительными ногами тело юноши. Но Юра не слышал ее, у него появилась эрекция, наверное, самая сильная за все время, сколько он себя помнил, и он с криком вошел в нее.

Ива застонала. Юра продолжал ритмично двигаться. Ива закричала, впиваясь ему в спину длинными ногтями. Она закусил губу и закрыла глаза от наслаждения, внезапным потоком обрушившимся на нее. Если бы она посмотрела на своего партнера, то увидела бы совершенно безжизненный, стеклянный взгляд зомби.

12

Рост нервно курил. Он стоял в уютном зеленом скверике на улице Космонавта Волкова на «Войковской» и с нетерпением ждал Лелика, который таки покинул его квартиру, пока он встречался с Квадратом. Рост купил буханку белого и теперь машинально крошил хлеб, скармливая его голубям. Он обожал кормить птиц.

Голова болела, как и разбитая скула, но больше всего Рост почему-то жалел тот огромный красивый аквариум. Когда он пришел в себя после нокаута громилы, первое, что он увидел, – симпатичная рыжая официантка, промокавшая ему ссадину влажным полотенцем, при этом он валялся в луже среди осколков аквариума. Оставшихся в живых рыбок собирал бармен. Он опускал их в большую кастрюлю, матерясь при этом так, что ему позавидовал бы пьяный электрик, неожиданно получивший разряд тока.

– Сколько я должен? – спросил Рост. Официантка сделала удивленное лицо. – За аквариум, – пояснил он, и та слабо улыбнулась:

– Геннадий Валерьевич все устроил.

– Квадрат, что ли?

Она ничего не ответила и помогла Росту подняться на ноги. Шатаясь, он поплелся домой. Наконец вдалеке появился Лелик.

– Здорово, – буркнул он, пожав руку Роста. – Как только ты уехал, меня на работу вызвали. А я как раз стопку опрокинул... Ну что?

– Да ничего хорошего, Лелик, – негромко произнес Рост. – А если честно, то полный п...ц.

Он вкратце рассказал другу о своем втором знакомстве с Квадратом.

– Это тоже он? – Лелик показал на ссадину, и Рост утвердительно кивнул.

– С ним была «личка». Один так, вафел, а второй нехило боксирует. Вот и... – он развел руками.

– Ну, и что делать собираешься?

– Лелик, я бы не стал больше парить тебе мозги, но этот скунс очкастый сказал между делом, чтобы ты в ближайшее время сидел тут, в Москве. Я, конечно, не думаю, что он имеет что-то против те...

– Имеет, – не дал договорить другу Лелик. Он плюхнулся на скамейку и зло сплюнул. – Эта сука везде успела. Пока ты к нему добирался, он как-то вышел на моего шефа. Хрен знает, что он ему наплел, но у меня офигенные проблемы, Рост. В общем, по ходу, придется увольняться.

– Да что случилось?

Лелик раздраженно отмахнулся, но все же объяснил:

– Пару раз мы с шефом организовывали «левые» сопровождения. Откуда-то информация просочилась, и оказалось, что те, кого мы опекали, на самом деле члены ОПГ. Все сейчас проходят по уголовному делу, и шеф пригрозил, что если я буду выкобениваться, он всех собак на меня повесит, и поеду я паровозом гондурасить в Колыму. Вот так-то, братуха.

Рост смутился.

– Лелик, прости. Если бы я только знал, что мои косяки тебе разруливать придется...

– Ладно, проехали. Я сам хорош, все эти игрульки-срульки...

Рост сел рядом. Минут пять они сидели молча, думая каждый о своем.

– Слушай, Лелик. Что ты еще знаешь о Квадрате? – после паузы спросил Рост.

– Какая теперь разница?

– Разница есть. Этот хмырь знает о нас все, вплоть до того, какие носки предпочитал мой прадедушка, а мы про него – ни-че-го. Знание противника – половина победы, помнишь?

– Да ничего я, в общем-то, не знаю про него. Я же тебе говорил, это бандит. Владеет несколькими казино, наверное, и бар, где вы встречались, тоже его. Короче, вор.

– По нему не скажешь, – сказал Рост. Он вспомнил, как резко менял манеру разговора Квадрат. – Скорее похож на полного отморозка. Такой на все пойдет.

– И что ты все-таки предлагаешь?

Рост сказал, будто речь шла о просроченном пиве:

– Да вальнуть его к такой-то матери, и делов-то. Как думаешь?

Лелик окинул друга скептическим взглядом.

– Решил поиграть в Рэмбо?

– А у тебя есть другие варианты? – в свою очередь спросил Рост. Он начал заводиться, его напрягала вялость и инертность друга. – Он сделан из мяса и костей и такой же смертный, как и все. Нет Квадрата, нет и долга.

– Э, нет, братуха. Уж поверь, в его среде такая фишка не прокатит. Смерть долги не косит, можешь мне поверить. Да и к тому же, – Лелик вздохнул, – я в такие игры не играю, Рост. Тем более, этот Квадрат нужен влиятельным людям. Я бы сказал – слишком влиятельным. И если мы сделаем то, о чем ты сейчас говорил, то это наделает кучу ненужного шухера, а там, – Лелик показал наверх указательным пальцем, – не дурачки-емели сидят, сразу просекут, откуда ветер дует. Так что, если даже удастся замочить Квадрата, наши собственные жизни не будут стоить содержимого вот этой урны.

– Короче, что делать? – Рост вынул новую сигарету, но, поразмыслив, убрал ее обратно в измятую пачку. Пожалуй, нужно вообще бросать эту пагубную привычку.

– Что-что. Долг отдавать.

– Отдавать долг, говоришь? – искренне рассмеялся Рост. – Собрать семьдесят тонн за неделю? Лелик, да если я даже начну день и ночь у Большого театра своим задом торговать, то буду полгода раком стоять без сна и перерывов на обед. Да и охотников на мой тощий анус мало найдется.

Лелик серьезно оглядел предмет обсуждения, к которому так критично отнесся Рост, и они расхохотались. Это несколько разрядило обстановку.

– О'кей, давай по порядку. Ведь должен же быть какой-то выход, – снова заговорил Рост. – Предположим, я пойду в ментовку.

– А наутро меня позовут опознавать твой труп, – закончил предложение Лелик. – Потом буду срочно заказывать панихиду, только уже себе. Рост, не забывай, кто ты и кто Квадрат. Он, пусть и бывший зэк, сегодня преуспевающий бизнесмен, уважаемый, солидный человек. Менты хорошо знают, что он за субъект, но оснований для серьезных предъяв у них нет. И кто ты? Безработный хохол, приехавший покорять столицу, у которого и прописки-то нет. Для начала менты тебя оштрафуют за отсутствие регистрации и посадят в «обезьянник» для выяснения обстоятельств. Это в лучшем случае. А если будут не в духе, то еще промеж ушей и по почкам дубинкой схлопочешь. Кстати, чего доброго, еще и за психа сочтут, мол, пока там за чучмеками по горам в Чечне бегал, все болты с гайками из башки растерял.

– Ох спасибо, Лелик, – сквозь зубы проговорил Рост. – Вот уж не знал, какой я со стороны, – безработный хохол без регистрации, чокнутый в придачу.

– Не обижайся, – примирительно сказал Лелик. – Рост, пойми, слишком многое стоит на кону. Думаешь, ты, то есть мы, случайно оказались в тот вечер у Квадрата за столом? Я стопудово уверен, что таких лохов, как мы, у него целый вагон – успевай названивать и бабки соби-рять. Даже если его вызовут в мусорню, он припрется туда вместе с адвокатом, каким-нибудь Резником или Кучереной, и вежливо тыкнет в лоб твоей распиской. А это уже гражданский спор. Даже если проводить экспертизу, то она при любом раскладе покажет, что почерк твой, в чем, кстати, ни ты, ни я не сомневаемся. И суд тоже будет на стороне Квадрата.

– Лелик, а я слышал, что если договор или сделка делается по пьяни, то это можно оспорить в суде. То бишь, если ты подписывал что-то в невменяемом состоянии, то и последствия недействительны.

– И кто будет доказывать твое состояние? Я? Кстати, ты посмотрел кассету? Ты сказал, что Квадрат тебе какую-то запись передал.

– Посмотрел, – угрюмо произнес Рост. На пленке он довольно оживленно беседовал с Квадратом, пил виски и играл в карты, и утверждать, что Рост находился в невменяемом состоянии, было весьма проблематично. – Не проканиает эта кассета.

– Я думаю, он тебе наркоту всыпал, – сказал Лелик.

– Сейчас-то уже по фигу, – проворчал Рост. – Мы так ни к чему и не пришли. Бабок у меня нет. Даже если дом матери продать, он от силы «пятнашку» стоит. Но не выгонять же матушку с Олесей на улицу?!

Вспомнив последние напутственные слова Квадрата, Рост с силой сжал кулаки.

– В долг мне тоже никто не даст, – он испытующе посмотрел на Лелика, и тот его понял.

– Братуха, была бы та хата, в которой ты сейчас кантуешься, моей, то, может быть, я и толкнул бы ее. Но собственник – мой батя, и если я зайнусь о продаже, его гнев будет похлеще десяти Квадратов в квадрате. Даже в кубе. Нет, ты уж извини, но с бабками у меня напряг. Максимум – могу собрать две-три штуки по закромам, это я на свадьбу скопил. Если доживу, до свадьбы, – закончил он невесело.

– Нет, – решительно сказал Рост. – Никаких закровов, да и три штуки меня не спасут. – Он поднялся со скамейки. – Я могу еще пожить у тебя?

– Какой разговор. Чего решил, Рост?

– Пока ничего. А решать-то нечего, Лелик. Ладно, созвонимся, – сказал молодой человек и, не оглядываясь, пошел прочь.

Лелик молча смотрел ему вслед.

Рост медленно шел и размышлял. По большому счету, решать действительно было нечего. Если бы речь шла только о нем, он, не задумываясь, уехал бы на Украину. Но ситуация куда серьезней, плюс еще Лелик замешан. И самое паршивое, он не имел ни малейшего представления, где взять столько денег.

Рост пошарил в карманах. Две сотни, плюс мелочь. Даже на билет домой не хватит.

«Может, купить водки?» – мрачно подумал он, шагая мимо супермаркета. После недолгой борьбы с самим с собой он отказался от этой затеи.

Пройдя в квартиру, Рост уселся на кухне и, не включая свет, почти час сидел сиднем, подперев подбородок руками.

Телефонный звонок вырвал его из полудремы, и Рост, уронив табурет, бросился за трубкой.

– Ростик? – раздался родной голос, и у него внутри все сжалось.

– Мама? – недоверчиво спросил он. Он оставил ей номер телефон Лелика, но она почти никогда не звонила ему: во-первых, телефона у них в деревне не было, во-вторых, слишком дорого.

– Мама, ты где?

– Я от соседки звоню, Наташи. Ростик, как ты?

– У меня все хорошо, – напряженно проговорил Рост. Зачем она звонит?

– Ростик, ты не собираешься к нам? Олеся скучает, – послышалось в трубке, и он немного расслабился.

– Возможно, скоро, – сказал он после секундной паузы. У него возникло ощущение, что мать что-то недоговаривает. Она, видимо, сама поняла, что Рост об этом догадывается, и осторожно спросила:

– Сынок, мне плохой сон приснился. У тебя точно все хорошо?

– Да, – немного резче, чем того требовалось, ответил Рост. – Мама, оставь мне телефон тети Наташи, если что, я буду ей передавать, что и как.

Записав номер, он спрятал бумажку в карман.

В трубке послышались какие-то помехи.

– Алло! Ростик, ты слышишь меня?

– Да, слышу! – проорал Рост, но тут раздались гудки. Он медленно положил трубку на рычаг. Включил свет в коридоре и, поймав свое отражение, ужаснулся. Бледный, осунувшийся, с подрагивающими руками. Ни дать ни взять, пьянь подзаборная.

Рост вернулся на кухню и заварил кофе. Есть совершенно не хотелось.

«Если в силу каких-то причин у вас возникнут затруднения, влияющие на исполнения вашего обязательства, я буду очень признателен, если вы выйдете на связь со мной, поскольку я могу предложить вам посильную помощь в решении этой проблемы...»

Эта фраза, высказанная Квадратом, выскочила в памяти Роста из ниоткуда, как чертик на пружине из шкатулки.

– Интересно, что он может мне предложить? – вслух подумал Рост, снимая с огня турку. Кофе у него всегда получался отличный. Почему-то после разговора с матерью долговые обязательства перед Квадратом показались ему не толще стенки мыльного пузыря. У него есть мать, сестра, друзья, и это чмо Квадрат пусть подотрется своими расписками.

Квадрат позвонил, когда Рост уже собирался укладываться спать.

– Ростислав? – раздался до боли знакомый вкрадчивый голос.

– Ну? – с плохо скрытой ненавистью сказал Рост. Он представил в данный момент своего кредитора – сидит, наверное, в кожаном кресле с гаванской сигарой и бокалом виски, а на коленях какая-нибудь телка с длинными ногами и силиконовыми титьками до пупка...

– Вы обдумали мое предложение?

– Какое? – прикинувшись дурачком, спросил Рост.

– Вы прекрасно понимаете, о чем я говорю, только мне не совсем ясно, зачем вы тянете время. Должен заметить, что у вас осталось всего шесть дней.

– Вот и прекрасно. Значит, не беспокойте меня больше, – грубо сказал Рост и швырнул трубку.

13

– Какие новости? – Лелик стоял в дверях, руки в боки, лицо словно высечено из камня. – Осталось два дня, ты помнишь?

В комнате стоял затхлый воздух, будто ее давно не проветривали.

– Помню, – отсутствующим голосом сказал Рост. Повернул голову в сторону друга. – Мне сегодня звонила мать. Второй раз за три дня.

– Ну и что?

– Какой-то шнырь звонил соседке, откуда обычно она мне звонит, и интересовался моей сестрой, Лелик. Он сказал, что я себя неважно чувствую и прошу их приехать сюда, в Москву.

– Ты считаешь, что это связано с ним? – приглушенно спросил Лелик. Рост не ответил. Через минуту он заговорил.

– Я обзвонил всех, кого знаю. Ходил в банки, унижался, как последний мудака. Но, – он криво улыбнулся, – для кредита нужна работа. Нужны поручители. И какой псих поручится за меня? Даже был у риэлторов, так, для очистки совести. Они оценили дом на Украине, заочно, правда. Больше пятнадцати-семнадцати косарей он не стоит, но не в этом дело, я лучше сдохну, чем позволю оставить мать и Олесю без жилья. Остается одно.

– Что же? – Лелик избегал взгляда Роста – он пугал его. Абсолютно безумный, лихорадочно бегающий взгляд наркомана, замершего в ожидании предстоящих ломок.

– Я разговаривал с Квадратом. У него есть для меня работа. В счет всего долга. Насколько я понимаю, криминал – не газоны же у него на даче подстригать. В общем, до этого момента я сам подумывал об этом, но... опыта у меня нет, а Квадрат, по ходу, в этих делах дока. Короче, Лелик, ищи меня теперь в сводках о ЧП по ящику, – Рост засмеялся металлическим смехом, и Лелика прошиб пот.

– Я как раз собирался к нему, – сообщил Рост, поднимаясь. – Отзвонюсь вечером.

Лелик не нашелся с ответом. А что тут, собственно, можно было сказать?

– Маленькая деталь, – сказал Рост уже в дверях. – Давай-ка, братуха, собирай свои манатки и вали отсюда, пока горячо не стало. Бери Верку и двигай куда-нибудь. Поженитесь позже.

– Куда? – тупо спросил Лелик. Вот так все бросить и куда-то ехать?

– Все равно. Только подальше от Квадрата. Ключи от хаты я тебе попозже занесу. Могу бросить в почтовый ящик.

Рост вышел, а Лелик остался стоять в прихожей.

Через час Рост был в том же самом кафе. Вместо разбитого аквариума стоял новый, превышающий размерами прежний, и в нем так же грациозно плавали экзотические рыбки. Почему-то от вида нового аквариума настроение Роста немного улучшилось.

Квадрат уже ждал его. В этот раз на нем был бордовый костюм, такой же нелепый и мешковатый, и неизменные очки в старомодной оправе. В противовес костюму от него исходил тонкий запах хорошего одеколona.

– А, здравствуйте, Ростислав! – обрадовался Квадрат, увидев Роста, и даже привстал со стула, протянув руку молодому человеку. У него был такой вид, словно он неожиданно встретил старого знакомого. Помедлив, Рост ответил на рукопожатие. Ладонь у Квадрата была прохладная, как змеиная кожа, и узкая, почти как у женщины.

– Да-да, такие дела... Очень рад, что вы приняли мое предложение... Рост. Ведь так вас называют друзья?

После кивка молодого человека он продолжил:

– Перейдем сразу к делу. Да, может, вы голодны? Виски, коньяк? Или предпочитаете водку?

Рост и в самом деле не прочь был бы перекусить, да и дразнящие запахи из кухни сводили его с ума, заполняя рот слюной, но он отрицательно покачал головой.

– Ну, ваше дело. Итак, прежде всего – умеете ли вы водить автомобиль? Если да, то какие категории транспорта?

Умел ли Рост водить машину? Ха, первый раз он сел в шестилетнем возрасте за руль «копейки», правда, проехав несколько метров, он тут же въехал в яблоню. Уже в пятнадцать лет Рост водил любую легковушку, «Газель», грузовики и даже трактор.

– Могу, почти все категории, – отделался он лаконичным ответом.

– Замечательно, – Квадрат отпил маленький глоточек минералки. – Как вы владеете приемами рукопашного боя, я уже видел. Между прочим, Дениска на вас затаил обиду, но, думаю, все обойдется. Да-да, это мой телохранитель, которого вы уделали. Кстати, я лишил его премии за вашу выходку. Не знаю, на что он, в итоге, обиделся – на сломанную челюсть или потерянную премию, – Квадрат довольно захихикал, будто все происходящее доставляло ему несказанное удовольствие. – Ладно, мы отвлеклись. Насколько вы метко стреляете? – он снял очки и немигающим взглядом уставился в собеседника.

«Смотрит, как удав на кролика», – подумал Рост.

– Смотря из чего, – сказал он.

– Я, конечно же, имею в виду автоматическое оружие, а не рогатку.

– Нормально стреляю, – так же кратко ответил Рост. И добавил с мрачным намеком: – Никто не жаловался.

Квадрат откинулся на стуле.

– К сожалению, у меня нет времени устраивать вам проверку, Рост. Ко всему прочему, – он усмехнулся, – вы вернулись живым из Чечни, а это много значит.

– Что я должен делать? – спросил Рост, чувствуя, как напряглись все его мышцы.

– О, как ты нетерпелив, мой друг. Ничего, что я перешел на «ты»? К слову, я тоже не обижусь, если ты станешь обращаться ко мне так же.

– Ты не ответил на мой вопрос, – медленно повторил Рост. Он положил руки на стол, и Квадрат с интересом уставился на его сбитые костяшки, натренированные многолетними отжиманиями на кулаках. Потом водрузил очки на крючковатый нос и сказал скучающим голосом, глядя куда-то в сторону:

– Ты, мой милый друг, и еще один парень через три дня должны взять инкассаторскую тачку. Да-да, такие дела...

Он произнес это так, словно сообщал Росту, что завтра обещали дождь и пусть он не забудет взять с собой зонтик.

«Ну, вот и все прояснилось» – Рост, как ни парадоксально, ощутил даже некоторую легкость. И ведь правду говорят, что неизвестность хуже всего. С другой стороны, у него возникло чувство, что его горло стянули холодным и липким жгутом.

– А подробней можно?

– Подробности завтра, – в голосе Квадрата моментально испарились жизнерадостные нотки, и тон стал жестким. – Сегодня вечером ты идешь домой, занимаешься своим делом, трахаешь бабу или напиваешься (это твое дело), а завтра в семь утра я жду тебя у входа в бар.

– Я должен знать в общих чертах ситуацию, – не сдавался Рост. – Если...

– Заткнись, – холодно оборвал его Квадрат. – Перейдя порог этого заведения, ты сжег за собой все мосты. Денег у тебя нет, достать их неоткуда, так что захлопни хлебало и слушай старших. Никаких, в срочку, «если». Наш контракт уже начал действовать, понял меня?

Рост лихорадочно соображал. Соглашаться или дать в рыло этому сморчку? Все равно он без охраны. По идее, он знал, что рано или поздно Квадрат предложит ему нечто подобное,

однако новость о том, что ему предстоит ограбить инкассаторскую машину, была равносильна ушату ледяной воды.

– Привет Лелику. Полагаю, ты понимаешь, что о нашем разговоре никто не должен знать, – Квадрат допил минералку и отставил стакан в сторону. Он поднялся и, как бы между прочим, сказал: – Надеюсь, ты не слинешь, Рост. Иначе первой пострадает твоя сестра.

Росту пришлось призвать на помощь всю свою выдержку, чтобы снова не сорваться с места, хотя у него руки чесались вбить этой мрази очки в затылок.

Квадрат ушел, оставив Роста одного. Мерно булькали крошечные пузырьки в аквариуме, обогащая его кислородом. В этот момент Рост отчаянно завидовал беспечным красивым рыбкам. Он сидел и смотрел на них, игриво поводящих плавниками, и думал, что, с самой первой секунды после объявления Квадратом сути его работы, он был согласен на нее. Перед глазами маячило прелестное личико Олеси, немного удивленное и трогательное в своей свежести, и ради ее безопасности он был готов на все, хоть совершить покушение на президента Америки.

14

В этот день, ближе к вечеру, Юра встретил ангела. Нет, он не умер, не обкурился конопля и не напился до зеленых чертиков. Он просто катил на своем «фольксе» с тренировки и ни о чем таком не думал, хотя пять минут назад у него был серьезный разговор с тренером. Он сказал, что у Юры большой потенциал и талант, которому он, к сожалению, не всегда может найти применение. Сошлись на том, что неприятный случай с Сергеем был первый и последний раз, да и сам пострадавший не держал зла на Юру.

Он съехал с Третьего кольца и в этот момент увидел Ее. Молодая девушка стояла в нескольких метрах от остановки и пыталась «голосовать», однако слабые попытки остановить спешащие по своим делам автомобили были бесплодными. Она с такой робостью держала руку, словно была уверена в том, что водитель ее проигнорирует. И машины одна за другой равнодушно проносились мимо.

– Тебе куда? – как можно дружелюбнее окликнул он.

– До 67-й больницы не добросите? – тихо спросила она. На Юру с немой мольбой смотрели огромные бархатно-серые глаза, обрамленные густыми ресницами. От этого взгляда Юру словно током ударило. – Только у меня всего сто рублей, – чуть слышно проговорила она. Юра увидел, как мелко дрожат ее губы. Замерзла, бедная.

– Садись. – Он открыл дверь, и чудное создание, бросив преисполненный благодарности взгляд, юркнуло в машину.

Они ехали в тишине, но странно – Юру вполне устраивало молчание девушки. Если сказать больше – оно успокаивало его, как легкий ненавязчивый массаж или приятная тихая музыка.

Пока они ехали, юноша боковым зрением разглядывал свою спутницу. У нее было тонкое, немного усталое лицо с правильными чертами, на щеках – умильные ямочки. Она была стройна и, несмотря на невзрачную одежду, выглядела изумительно. Тоненькая китайская курточка намочила от морозящего дождя, но даже через нее были видны два соблазнительных мячика, мерно вздымавшиеся в такт дыханию. Темно-русые волосы небрежно закреплены пятирублевой заколкой, но сами волосы были восхитительны – густые, отливающие влажным золотом. Юра подумал, что они куда привлекательнее смотрелись бы в распущенном состоянии. Руки без маникюра, почти детские, но по-своему изящные и красивые. В правом кулачке она крепко сжимала плату за проезд – пачку замусоленных десятков. От ангела исходил запах душистого мыла и чего-то еще, домашнего и родного.

«Похоже, последние деньги собрала. Интересно, что ей нужно в больнице? Небось, к хахалю своему спешит», – с ревностью подумал Юра, и эта версия неожиданно привела его в состояние, граничащее с бешенством. Когда они подъехали к воротам больницы, он внезапно понял, что должен обязательно увидеть ее еще раз.

– Возьмите, – девушка протянула ему деньги.

Юра грустно взглянул на пачку мятых купюр.

– Они тебе будут нужней, – просто сказал он.

Несколько мгновений девушка продолжала держать деньги, затем отвела взор:

– Я вам очень благодарна.

– Подожди! – почти закричал Юра, видя, как она вылезает из машины. Он испугался, что сейчас это небесное творение покинет его машину и он больше никогда не увидит ее прекрасные серые глаза, ее робкую улыбку и не почувствует этот родной запах...

– Если ты ненадолго, я подожду тебя и отвезу обратно, – выпалил Юра, чувствуя, как его лицо заливают краской. На самом деле он готов был торчать у этой больницы день и ночь, лишь бы снова и снова катать по городу это сокровище.

На лице ангела промелькнула тень подозрения. Действительно, что надо этому странному молодому человеку? Денег не взял, теперь хочет отвезти обратно...

– У меня масса времени, – торопливо, словно ангел мог исчезнуть, зачастил он. – И я с удовольствием доброшу тебя обратно, если ты, конечно, этого хочешь.

Девушка улыбнулась, блеснув полоской жемчужных зубов:

– Спасибо. Очень приятно, что в наше время еще встречаются благородные мужчины.

– Так буду ждать? – с надеждой спросил Юра.

– Я могу задержаться.

– Ничего, я пока заправлюсь, – нашелся Юра. Он не понимал, что с ним творится, но перед этой нимфой он ощущал себя полным придурком и боялся, что она догадывается о том, что с ним происходит.

– Хорошо, – промолвила девушка. – Меня зовут Алиса. А тебя?

Юра решил сообщить что-то вроде «кот Базилио к вашим услугам», но решил, что сейчас юмор будет некстати, и просто назвал свое имя.

Алиса ушла, а он вернулся в машину. Естественно, ни на какую заправку он не поехал, бак был полон, но даже в противном случае он не уехал бы отсюда, боясь упустить эту чудесную девушку.

...Обратно они ехали уже как старые друзья, оживленно болтая. Выяснилось, что Алиса навещала свою мать, которой должны были удалить желчный пузырь, и тот факт, что никакого парня у нее в больнице не оказалось, заметно повысил настроение Юры. Еще больше он обрадовался, узнав, что ангел живет буквально в трех кварталах от его дома! Даже странно, что они раньше никогда не встречались. Алиса заочно училась в МГСУ на педагогическом отделении и параллельно работала помощником бухгалтера в небольшой фирме по реализации бытовых товаров. Юра выяснил, что отца у нее нет, зато есть младшая сестра Инна, которой недавно исполнилось четырнадцать лет.

Когда он набрался смелости (это Гюрза-то!) и предложил обменяться телефонами, вышла маленькая заминка.

– Ты действительно хочешь позвонить? – спросила Алиса чуть задумчиво.

– Ну, это... вообще-то да, – сбивчиво промямлил Юра.

– Давай лучше я тебе позвоню, – предложила она.

– А свой номер не оставишь? Обещаю, что не буду просто так беспокоить тебя, – поклялся

Юра.

Алиса засмеялась, и от ее звонкого заразительного смеха хотелось петь от счастья.

– Дело не в этом. Просто у нас нет телефона, – объяснила она.

Юра был ошарашен. Жить в столице в двадцатом веке и не иметь телефона?! Нонсенс! Он хотел спросить насчет мобильника, но вовремя сдержался. Судя по одежде девушки, она вряд ли могла позволить себе сотовый телефон.

– Просто наш дом относится к сектору малоэтажной застройки. В ЖЭКе нам сказали, что он не оборудован кабельным вводом. Дом старый, и, чтобы установить стационарный телефон, нужно построить недостающие линии. Тебе неинтересно? – спросила она, видя, что Юра сосредоточенно думает о чем-то своем.

– Извини, задумался.

Про себя он уже твердо решил, что подарит ей мобильник.

Юра довез ее до дома и все никак не хотел отпускать. С другой стороны, ему не хотелось показаться слишком назойливым.

– Большое спасибо, что помог мне, – чуть слышно сказала она возле подъезда. – Пока.

Скрепя сердце Юра попрощался с ней и поехал домой. В эту ночь, за последние шесть месяцев, он впервые спал крепко и без сновидений.

15

Алиса не давала о себе знать два дня, и на третий Юра завыл от тоски. Он не находил себе места, гипнотизируя телефон, пропустил тренировку и семинары в университете. Наорал на некстати позвонившую Иву, которая допекла его своим бесконечным нытьем о ночных клуббах с шампанским. Даже Кляксич почти не показывал своих роскошных усов с лоджии, бесстрастно взирая огромными оранжевыми глазами на беснующегося хозяина.

Утром позвонила мать из Канады. Разговор не клеился, он если что-то и говорил, то невпопад. После звонка Юра околачивался возле подъезда Алисы в надежде ее встретить, но все тщетно. К вечеру, проторчав на улице без толку почти пять часов, совершенно одуревший от ожидания и неизвестности (а вдруг с ней что-то случилось?!), он сбегал к цветочному магазину и, выбрав самый дорогой букет, вернулся к дому Алисы. Он уже ненавидел этот дом, эту пятиэтажную панельную коробку, которая была в его представлении проклятой раковиной, хранившей в своих недрах чудесную жемчужину редчайшей красоты, однако упорно не желающей открываться. Номера квартиры он не знал, как и этажа, однако в теперешнем состоянии он уже был готов ломиться во все квартиры подряд. Увидев у самого подъезда играющих в мяч мальчишек, ему в голову пришла идея.

– Ну-ка, пацан, поди сюда, – поманил он одного из них, в бейсболке, нахлобученной задом наперед.

– А че? – задиристо отвечал тот.

– Ты из этого подъезда?

– Нет, а че?

– Че-че, – разозлился Юра. Он уже хотел плюнуть на свою затею, как другой парень, повыше ростом с коротким ежиком волос, сказал:

– Ну, я здесь живу. И че?

– Знаешь девушку, светленькую такую? Живет в этом подъезде.

– Алиска. Ее квартира над нашей, сверху.

Сердце Юры забилося сильнее. Еле дышащий огонек надежды постепенно разгорался.

– Хочешь полтинник заработать? Вот тридцатка, отнесешь ей цветы. Потом получишь остальное. Только не говори, кто тебя попросил это сделать.

Деньги моментально исчезли из рук Юры. Мальчишка схватил букет и убежал.

Потянулись долгие минуты. Вскоре он вышел.

– Все круто, цветы она взяла. Давай бабки, – потребовал он.

– Она дома? – спросил Юра, чувствуя, как сладко заныло под ложечкой.

Мальчуган кивнул, и Юра, заплатив мальчишке, побрел к машине. Если она не позвонит после этого, значит, так тому и быть.

Она позвонила.

– Юра? – раздался в трубке ее ласкающий слух голосок, и Юра, не помня себя от счастья, закричал:

– Алиса?! Ты где? Тебя плохо слышно!

– ...автомата ...вини, что не звонила. Маме сегодня де...

– Алло! – Юра хотел расколошматить трубку. – Ты где? У подъезда? Стой, я сейчас приеду!

Наспех одевшись, он выскочил на улицу и, прыгнув в машину, понесся к своему ангелу.

Она ждала его с улыбкой на своем прекрасном лице. Юра с трудом удержался, чтобы не стиснуть девушку в объятиях, но ограничился поцелуем ее восхитительной ручки.

– Это ты послал Ромку с цветами? – она радостно смотрела на него.

Юра многозначительно кашлянул, мол, какие пустяки.

– Мне никогда не дарили таких цветов. Спасибо, – она взяла руку юноши в свои ладошки.

– Почему ты не звонила?

– Моей маме сегодня стало плохо. Началось какое-то осложнение. Извини, но я не думала, что ты так будешь переживать...

– Ты была в больнице?

– Да, утром.

– Почему ты не попросила меня отвезти тебя? – Юра сжал ее хрупкие ладони. – Купили бы ей фруктов, цветов.

– Юр, спасибо, конечно, но мне и так неудобно перед тобой. Знаешь...

– Неудобно, когда дети на соседа похожи.

Алиса видела, что Юра недоволен. Она поднялась на носочки и чмокнула его в щеку.

– Прости.

– Пошли в кино? – предложил Юра. К себе звать ее он постеснялся.

– А что смотреть будем?

– А что хочешь. Без разницы, – ответил Юра. – Идем?

Они пошли, взявшись за руки, как влюбленные дети.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.